

В.А. КУТЫРЕВ

СОВА
МИНЕРВЫ
ВЫЛЕТАЕТ
В СУМЕРКИ

ИЗБРАННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТЕКСТЫ
XXI ВЕКА

Тела мысли

Владимир Кутырёв

**Сова Минервы вылетает
в сумерки. Избранные
философские тексты XXI века**

«Алетейя»

2018

УДК 130.3
ББК 87.2

Кутырёв В. А.

Сова Минервы вылетает в сумерки. Избранные философские тексты XXI века / В. А. Кутырёв — «Алетейя», 2018 — (Тела мысли)

ISBN 978-5-906980-89-2

Подводятся итоги 40-летней философской работы Владимира Кутырёва. В книге опубликованы обзор его текстов конца XX и избранные статьи XXI века по проблемам сохранения жизненного мира людей от подавления стихийной экспансией Hi-технологий и искусственной реальностью. Рассматривается превращение философии Просвещения в идеологию постчеловеческого мира. Теоретическим фундаментом отрицания человека стало «забвение Бытия» вплоть до признания в качестве Абсолюта «Ничто». В эсхатологическом повороте к небытию отразилось открытие наукой завернутого в скатерть-самобранку ящика Пандоры с микро- и мега-размерами, виртуализмом, искусственным интеллектом и нигитологией света. Неспособность людей управлять прогрессом технологий – роковая причина деградации жизни и природы. В. А. Кутырёв – антропоконсерватор. Развиваемая им философия Сопrotивления самоапокалипсису опирается на онтологию предметности, археоавангардный реализм и феноменологический субстанциализм. Все его тексты пронизаны пафосом защиты человека. В данном с(из)борнике – на дальних метафизических подступах. Веруя в коэволюцию возможных миров, он отстаивает их «нашу реализацию». Книга написана понятийно точно (профессионально), и в тоже время образно (одушевленная). Преподавателям, аспирантам, магистрам философии, всем, кто не утратил потребность в осмысленном существовании.

УДК 130.3

ББК 87.2

ISBN 978-5-906980-89-2

© Кутырёв В. А., 2018

© Алтейя, 2018

Содержание

Введение	7
Прогресс науки и технологий как забвение бытия	7
Часть I. Полет совы в сумерках XX века	15
Структура и субстрат: в защиту вещно-событийной реальности[6]	15
1. Кризис субстратного мира	15
2. Структурализм и мир информации	17
3. Проблема единства структурной и субстратной реальности	21
Утопическое и реальное в учении о ноосфере[16]	26
1. Ноосфера как утопия	26
2. Ноосфера как реальность	27
3. Автотрофы: люди или роботы	30
4. Космос захватывает Землю	32
5. Прельщение бессмертием	33
Осторожно, творчество![28]	36
1. Творчество как парадигма	36
2. Творчество дьявола	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

В. А. Кутырёв
Сова Минервы вылетает в сумерки.
Избранные философские тексты XXI века

*Я хожу среди людей как среди обломков будущего. Того
будущего, что вижу я.*
Фридрих Ницше

© В. А. Кутырёв, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Введение

Прогресс науки и технологий как забвение бытия

В философской молодости у меня сложилось убеждение, что авторов старше 70 лет читать не нужно. Какие бы они не были известные, авторитетными, все равно повторяются. А если намеренно хотят угнаться за новым, воспринимают его конъюнктурно, некритически. Со временем у человека утрачивается чувство времени. Это естественно, закон природы и потому неизбежно. В более мягкой форме я сохраняю это убеждение до сих пор. В любой активности, в том числе публикационной, кроме чувства времени, нужно чувство меры, уметь зати(у)хать, даже если думается, что сделано не все. Не все для автора, но следующему поколению его взгляды неинтересны.

Как все печально. Однако... «Сова Минервы вылетает в сумерки, когда полный битв и сражений день уже отгремел», – писал Гегель. И ему можно верить. Особенно когда знаний стало хаотически много, а мудрости в их применении катастрофически не хватает. Человечество впало в инновационно-технологическую истерию, несется без тормозов, превращаясь из субъекта деятельности в ее материал, человеческий фактор в технике и капитал в экономике. Двигается по пути самотрицания. В этой ситуации потребность «остановиться, оглянуться» становится более необходимой, нежели обеспечение роста/бега неизвестно куда с широко закрытыми глазами. На передний план выступает задача предвидения последствий внедрения Нового. Ошибки принято выявлять в существующем, а важнее раньше, «в мыслях» – намерениях, целях и проектах. В эпоху, когда «возможно все», человечество нуждается в философии не ради теоретического воспроизведения явлений и рефлекса на/от них, а в рефлексии и проблематизации, что предполагает определенную о(т)страненность от злобы дня. Нуждается в сознании не как отражении реальности и ее «сопровождении», а в сравнении с «вечным», историей, оценке и критике. С возрастом это удается лучше.

Исходя из подобной идейно-оправдательной позиции, мы решили(сь) подготовить к монографическому изданию часть статей, публиковавшихся с начала XXI века в журналах разного уровня и несколько новых, пока не изданных. Они предваряются более ранними текстами, объединенными в первый раздел как «Полет совы в сумерках XX века», который включает в себя всего 3 работы. На первый взгляд по технической причине (книга была бы слишком велика), а по сути, по причине принципиальной, ибо на наших глазах люди перестают читать книги вообще, а толстые тем более. При(р)ученные к клиповому сознанию большое и целое они воспринимают с трудом или отвращением. Под влиянием интернет-медиа нормой мышления общества становится уровень двенадцатилетних подростков, от знакомства с которым прежние великие философы лишились бы чувств (сказали бы раньше), потеряли сознание (как говорили еще недавно), отключились, вырубались, или погасли, как говорят теперь. Со всем этим надо считаться. Однако для людей исключительных, сумевших, несмотря на информационно-технологическое давление, сохранить способность к «длинной мысли» не только в пространстве, но и во времени, приводятся ссылки на кластер близких по теме статей, что вместе образует потенциально полноценный смысловой блок.

Его значение в показе ближайшего идейного истока современных процессов в обществе и философии. Данные тексты выбраны исходя из актуальности проблем того времени и с точки зрения самостоятельности вклада, который мы пытались внести в их решение. Это проблемы защиты вещно-событийной картины мира от всеобщего увлечения системно-структурным подходом, которое разделял и автор, но захотел опомниться; от всеобщего увлечения ноосферой, на что он решился посмотреть более трезво, чтобы увидеть в ней великую «она-

ученную» утопию, показав, как она маскирует происходящие в реальности процессы становления поглощающей человека антиутопии технокосмосферы; а также от упоения творчеством, по поводу чего пришла пора, особенно по мере его превращения в машинное, уже посткреативное, в(при)зывать к осторожности. Развитие событий в направлении становления искусственного интеллекта, на наш взгляд, доказало необходимость подобного рода осмотрительности.

В основной раздел включены работы, которые посвящены «Полету совы в слепящей тьме XXI века», т. е. возникновению на Земле все более трудно совместимой с жизнью человека среды. Особенно среды «искусственной-2», микро и мегамиров, уже не вещной и предметной, а информационно-виртуально-интеллектуально-цифровой. Трансискусственной. «Транс» – потому что она несоразмерна с нашим жизненным миром, переступает через него и не только окружает человека, она начинает его пронизывать, грозя превратить в нечто постчеловеческое, Иное. Этот процесс обусловлен стихийной экспансией так называемых высоких (Hi-tech и Hi-hume) технологий. На повестке дня технологизация всего, вплоть до сугубо интимных форм жизнедеятельности, которые всегда считалась прерогативой человека и замены его естественного, «традиционного» интеллекта машинным, техническим. Для думающих людей этот процесс предстает как угроза дальнейшему существованию человечества, как начавшийся «конец света», которому, несмотря на его обусловленность реальностью, надо пытаться противостоять, сопротивляться.

Об апокалипсисе в последнее время говорят много. Действительно, наше существование может прерваться чем-то неожиданным, например, космо-астрономическим происшествием, вспышкой божьего гнева, прилетом злобных инопланетян и т. п., однако это внешний, случайный конец света. Для кого-то он представляет угрозу, пугает, но в норме, «по жизни» не угнетает. Возможно все, предвидеть все нельзя, тогда и бояться этого не имеет смысла. Однако каждые 2–3 года то «жрецы майя», то «британские ученые» (источники, которые стоят друг друга) назначают новые даты, чтобы бояться... И не зря. Потому что за катастрофическими ожиданиями Армагеддона кроется опасность другой, рукотворной формы апокалипсиса, признаки которой витают в воздухе, зреют в повседневности и риск которой значительно более опасен, чем внешняя случайность. Это возможность смерти человека как человечества не извне, а в силу собственного развития, его законов и тенденций, как *самоапокалипсис*. Именно она была бы (является) подлинной, а значит духовно трудно переносимой мировой катастрофой, абсолютным концом света.

Человечеству грозит катастрофа не только в виде развязанной им самим войны во всеоружии технологических достижений, которая все-таки будет «частным» событием, но и как процесса утраты человеческого в нем, его умаления вплоть до исчезновения, или, то же самое, «превращения в иное» при движении «вперед и дальше». Может быть, по каким-то параметрам к высшему, но для *этого* сущего, его тождественности себе – движение вниз, в про-пасть самоотрицания. Не в пустоту (ее нет), а в Инобытие. Как пустоту для нас. Вперед, быстрее, дальше и – к смерти. Конец света в результате процессов, ведущих к эрозии рода, сначала в виде киборгизации, а потом полного поглощения техникой – трагическая диалектика истории, которая гнетет его мыслящую часть, ввергая в депрессии, продуцируя «несчастное сознание», лишая бытие смысла. Кто-то надеется, сохранив себя, продолжать жить на том, «другом» Свете, что невозможно, ибо это *contradiction in adjecto*, парадокс всех парадоксов. Элемент и система неразрывно связаны. «Другой свет» потребует другого существа/ вещества/техщества.

Но именно к такому будущему ведет современное технологическое развитие, по-видимости незаметно, но исторически довольно быстро превращая индивидов в нечто бестелесное, бесчувственное, да, пожалуй, и без(с)мысленное, что на поверхности бытия (у о-быва-телей) проявляется в форме непрерывного назначения и переносов даты конца всего сущего. *Прогресс к смерти, смерть в результате прогресса как потери своего качества, самости, родовой тождественности* – угроза, в философской истории человеческого духа практически не

обсуждавшаяся. Потому что не предполагалась, была очень отдаленной, сейчас она вы(про)ступает как фундаментальная. Пришло время *Mortido* (влечения к смерти), когда дальнейшие успехи в производстве и экономике вступают в противоречие с жизненным миром человека как целостного телесно-духовного существа. И требуют его демонтажа (деконструкции), не считаясь с тем, что человеку, если он хочет жить, надо заботиться о сохранении идентичности своей формы. *Such as we are mad of, such we be!* (Какими мы созданы, такими нам и быть!)¹

По мере роста влияния NBICS технологий, онтологически реализующихся в качестве микро, космо, инфо, вирту, нано, цифро и прочих чужеродных «старой», естественной земной природе миров, макромир сокращается как шагреневая кожа. Экологический кризис приобретает абсолютный характер. Земной *Umwelt* больше не континент, это остров, непрерывно размываемый бушующим океаном инобытия. Прогресс *переступает через* человека, трансформ(ир)уя его в «человеческий фактор», «агентов», «зомби» или просто в исходный материал для чего-то робототехнического. Отказ от *бытия как «падение вверх» – Самоапокалипсис*.² Который совсем не обязательно будет Армагеддоном, скорее всего, он будет вялотекущий, потому что люди не понимают, не хотят, боятся понимать, что происходит. «Прогресс, – пророчествовал М. Хайдеггер, – покоится на растущем забвении Бытия, в основе чего лежит все более находчивая и произвольно расчетливая эксплуатация «природы»; скоро дело дойдет и до живой природы, так что она попадет в клещи планирования и будет разрушаться... Прогресс, специально призванный к конкуренции, превращается теперь во все более острые клещи, которые зажимают человека в его пустоте».³ Собственно говоря, процесс самоуничтожения уже идет на наших открытых, но не желающих видеть, ослепленных светом технических достижений глазах. Здесь и сейчас подавляется внешняя и внутренняя природа человека, торжествуют нормы социального поведения, отрицающие основы жизни, условия ее продолжения. Любая, казалось бы до очевидности самоубийственная новинка или перспектива, типа «интернета вещей», когда интеллектом наделяются объекты, а не субъекты, или проекты гибридизации живого тела с мертвой техникой, или вообще замены человека чем-нибудь другим, неважно чем, вызывает чувство радостного ожидания: скоро ли произойдет эта рокировка по расчеловечиванию человека и его превращения в одну из вещей. Современная цивилизация находится/бежит, несется к своему «Ничто» в позе страуса, зарывшего голову в песок. Быть в ней в здравом уме становится опасным. Вас обвинят в чем угодно, прослыть атехнистом сейчас тоже самое как атеистом в Средние века. Поэтому мы не будем знать, когда нас не будет. *Эсхатологическая Трагедия*.

* * *

Но когда все началось? По представлениям М. Хайдеггера, других традиционалистов и радикальных критиков прогресса, особенно Ф. Ницше, началом «забвения бытия» в сфере духа, превращением онтологии в гносеологию, а потом, если осовременивать, в эпистемологию и когнитологию стало возникновение метафизики. Самая глубокая датировка этого процесса – «от Парменида», несколько позже – от «сократического поворота». При таком подходе кризис бытия можно усмотреть в возникновении сознания человека. Датировать его, в сущности, с появления самого человека, нашей истории вообще.

¹ *Shakespeare W. Twelfth Night or What you will. 1V.2.*

² Как термин понятие Самоапокалипсиса мы заимствовали у саратовского философа О. В. Шимельфенига из его выступления на конференции «Диалог мировоззрений» в Нижнем Новгороде в 2008 году. Нам бы хотелось в привычном слове апокалипсис, при соединении с «само» опустить букву «а» и предложить концепт: «Самоапокалипсис». Он легче произносится и применительно к светской тематике освежает ее смысл. Аналогично можно писать: самоничтожение, самотричание, самобийство. Но публикация зависит не только от автора, редакторы настойчиво отговаривали от этого оригинального конструкта.

³ *Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М., 2016 С. 420, 421.*

При всем почтении к великим, думается, что подобная глубина объяснительно не плодотворна. Да, метафизика по определению имела «зародыш» небытия, несла его в себе, но тысячи лет он давал импульс развитию человека, его совершенствованию «вверх». Говоря в понятиях самого Хайдеггера, «от Sein к Da-sein». Это развитие можно считать процессом расширения «просвета бытия», движением от «просто бытия» к «бытию-сознанию», которое воплощалось в покорении природы, достижениях культуры, науки и техники, формировании предметной искусственной реальности. Высшей точкой данного процесса, по-видимому, можно считать конец 19-го, начало (до 30-х годов) XX века. Однако все это время человек, меняя, расширяя и совершенствуя(сь), жил в среде, которую он видит, слышит, осязает, т. е. воспринимает своими органами чувств, соответственно, осмысляя получаемые эмпирические данные. Жил в макро-реальности. Ее философским выражением наряду с мифологией и религией была метафизика.

Подлинное падение начинается с вершины. Такой вершиной в историческом развитии человечества стало возникновение среды, несоразмерной его органам чувств, окружающих его феноменов, которые он не ощущает, среди которых жить не может. Но действует. Возникновение неклассической науки (реальности). Расщепив атом, человек включил в диапазон своего влияния так называемый микромир – реальность новых масштабов (атомную, субатомную), не совместимую с его телесностью. Другим полюсом несоразмерности деяний человека с самим собой как земным природным существом стал выход в космос, исследование планет – активность в масштабах мегамира. Совершенно фантастические перспективы открылись в результате информационной революции, связанные с изобретением сначала называемых мнимыми, а теперь все более «реальных» дополнительных виртуальных реальностей, а также переходом на нано уровень манипуляции материей. Объявлено и чему без(д)умно радуются, наступление Четвертой промышленной (цифровой) революции, когда «все» будет делаться без человека, а вещно-предметное, еще результат преобразования природы, т. е. функциональное искусственное превращается в бес-природное, субстанциональное искусственное. «Абсолютно внешнее».

Естественный = адекватный человеку предметный мир «расширился» до *Сверх-естественного*. Невещ(ествен)ного, не предметного. Сверхестественного не только для чувств, но и для собственно человеческого, «естественного» разума. Превышающий возможности его осмысления, не говоря уже об управлении им. В результате этих великих роковых событий содержание деятельности людей радикально изменилось в своих масштабах, они окружают себя средой, не соответствующей их телесно-духовному бытию. В XXI веке она окончательно перестает совпадать с его бытием. Мир людей перестал быть их «жизненным миром». Домом. Наступает эпоха, которую и можно считать началом действительного «забвения», а фактически отрицания их бытия. Ее философским выражением стала деконструкция метафизики (осторожно камуфлирующее название ее реальной деструкции) = философский постмодернизм, потом трансмодернизм. Трансмодернизм – это выражение приоритета полностью искусственной «пост-субстратной», окружающей человека и несоразмерной его бытию среды. Или, опять говоря об этих процессах языком Хайдеггера, когда Sein через экспансионистскую активность Da-sein превращается в No-sein. (Das Nichts). Реальность остается, но она перестает быть миром человека и становится все более и более чуж(д)ой ему как целостному существу, «не нашей». *Иное*.

Таким образом, современный объяснительный смысл концепта «забвения бытия» целесообразно связывать с «началом конца» феноменологической реальности человека в результате возникновения ее субстанциально «нетрадиционных» постчеловеческих форм. Соответственно, в философии датировать его не началом, а концом метафизики. Процесс, который, разумеется, тоже длился во времени. Философия пред-моделировала (как всегда, соответственно своей природе в спекулятивной форме) возникновение пост(сверх, транс)человеческого мира много раньше. Но все-таки не за две с половиной тысячи, а около двухсот лет назад. В трудах Парменида взорвалась не атомная, как считается по известному мнению Хайдеггера,

а только пороховая бомба. Как адекватнее видится с высоты сегодняшнего дня, этот атомный взрыв произошел намного раньше Хиросимы, в 1871 году в г. Риге, а подготовил и произвел его житель Кенигсберга Имануил Кант. Спекулятивно-философской атомной бомбой в сфере духа была его «Критика чистого разума», в которой точка отсчета при познании мира была перенесена с Земли на Небо. Более того, ее публикацию можно считать первым мысленным выходом человечества в космос, гипотетически запущенным им в пустое пространство и преодолевшим земное притяжение Искусственным спутником. Кант не случайно до сих пор считается современным философом, тогда как многие, жившие после него, очень крупные, великие (например Гегель, Маркс) мыслители – в прошлом. Потому что они все еще «бытийные», обитатели Земли и носители жизни, реалисты, антропоконсерваторы, а естественно-предметный мир пошел по пути прогрессивного самоотрицания (превосхождения себя) в пользу Разума. Сначала своего, живого, еще сплетенного с чувствами и образами духа, потом «позитивно-бездуховного», но еще словесного сознания, а теперь цифрового чисто(го) искусственного мышления-интеллекта: априорного ничто, трансцендентализма и дигитализма, конструктивно технически осуществляющегося в ранее никогда не существовавших в жизненной сфере человека артефактах.

Субстанцией метафизики было «бытие», будь-то физические, будь-то идеальные сущности, Материя или Бог. Действительность, реальность, которая порождает, и в которой открываются различные возможности. Ничто в метафизике – это принцип смены форм бытия. Распределенное по пространству Ничто – это Время, постоянно их уничтожающее и изменяющее. Благодаря ничто-времени, бытие развивается, пре-вращается, меняет свое состояние. *Но не больше.* Значение Канта в том, что он придал Ничто принципиально новый субстанциальный смысл, выдвинув его в качестве архе = первоначала. Сначала в познании как идею трансцендентализма. Как чистую, доопытную, следовательно, доприродную, вне и постчеловеческую Мысль. А потом (логически), поскольку онтология была объявлена «вещью-себе», эта мысль заняла место бытия. В качестве «бытия сознания» (хотя частично это уже было у Юма, Лейбница, а совсем «осознанно» произошло у Гуссерля). Так про-свет в бытии стал Светом (от, после бытия). Соответственно, в роли Абсолюта место Бытия через актуализацию Становления заняло Ничто = чистая Мысль = Свет, которые обладают максимумом возможностей. И это то, из чего теперь начинают (приходится) выводить, конструировать любое нечто. Все сущее и действительное предстают как реализация Возможного. То есть соз(и)даются из Мысли и Света. Первична не Действительность, в ходе развития которой открываются разные возможности, а Возможность, которая содержит в себе разные формы действительности. Первична не предметная реальность, потом информация о ней, а информация, которая миром вещей только кодируется.

Этот трансцендентальный переворот от онтизма к меонизму, от реализма к потенциализму-конструктивизму и следует, целесообразно считать «началом конца» метафизики, ее суицидом. Наступлением сумерек Бытия, началом его действительного «Забвения». Другими словами, умаления, истощения, подрыва, отрицания человеческого мира, его *Lebenswelt* и самого *Homo genus*, мутирующего в техноида, киборга, гомутера, «инидигена», проще говоря, в роботообразное, «недоробота», которое будет вытеснено AI-роботами – все быстрее совершенствующимися вплоть до растворения в *Internet of every-things* и покрывающие ставшую мертвой планетой Землю «техно-информационные поля», «мыслящий океан» (Ст. Лем) или что там после жизни возникнет в процессе дальнейшей техноэволюции. А пока современная цивилизация на своих передовых=цифровых рубежах в апогее эколого-антропологического кризиса, стремительно (по историческим меркам) транс-формируется в состояние самопокалipsisа как *эпоху Трансмодерна*.

* * *

Такова базовая установка, исходя из которой, мы отбирали тексты для публикации в данной книге. Как надеемся, она едина не только исследовательски, но и структурно, что делает ее монографической. И хотя разбита на «блоки», она целостна по показу движения человеческой мысли от Бытия к Ничто.

В первом блоке «Страсти по (не)бытию» показывается, как в нашей философской литературе формировалось не просто «забвение», а прямое отрицание и даже не материи, а (невиданное дело!) самого Бытия. Стоит оглушительный крик о небытии. Все торопятся присягнуть становлению, отсутствию и смерти. Потом из оставшейся от него золы – конструктивизму, всему искусственному. Вместо онтологии возникла философия меонизма, нигитология. Вместо гносеологии – когнитология как философия computer science (дигитализм). Произошел роковой переворот в трактовке Абсолюта как первоначала=субстанции. Говоря в религиозном контексте, отказ от Бога и духа жизни в пользу Дьявола как духа самоу-ничто-жения и замены живого не живым. Бог как антропоморфная манифестация бытия и блага умер, а его Противник как манифестация зла и отрицания – остался. И захватывает власть на Земле – вот-вот абсолютную. Соответственно, философия как рефлекс, а не рефлексия событий в своей ученой слепоте начинает исходить из Ничто. Обсуждается, почему так случилось, к чему Он/о нас ведет, можно ли, нужно ли и как бы этому противостоять. Провозглашается жизненная необходимость онтологического приоритета бытия над небытием.⁴

В блоке «Когнитивная нигитология» показано, что предтечей когнитивизма и постмодернизма является философия трансцендентализма, общепризнанным родоначальником которой был Кант, а наиболее фундаментально развернул Гуссерль. Трансцендентальную феноменологию Гуссерля можно считать непосредственной предшественницей информационной революции, означающей окончательное отрицание метафизики, «апокалипсис смысла» и переход к формализации мысли, когнитивизму/ дигитализму, заменяющий в моделировании мира Логос Матезисом. Гуссерль – провозвестник эпохи трансмодерна, возникновения техноидов и «революции мутантов». Отсюда умаление духовно-творческого начала в жизнедеятельности людей, смерть субъекта, превращение личностей в агентов и зомби. Соответственно, развернулась всемирная борьба со смысловым образованием за его превращение в формальное программирование, которое бы в лучшем случае готовило персонал по обслуживанию стремительно саморазвивающихся компьютерных технологий, а в худшем – превращало людей в материал, в под-данные для их функционирования. В общенаучном плане подготовкой к этому стала «парадигматизация» структурализма и синергетики, а если обозначить ее культурно-исторически, по эпохам – модернизм, потом экспансия постмодернизма, перерастающего в трансмодернизм как (не)философию STS (исследование науки и техники) небытийного для нас мира.

Когнитизация мира ведет к его деантропологизации, к «Смерти языка (и) жизни», анализу которой как процессу посвящен третий блок монографии. XX век прошел под знаком лингвистической революции и великого влияния языка, изучение которого в гуманитаристике почти заменило исследование общества. В настоящее время можно говорить о его смерти, структурно-лингвистической, хотя бесшумной, но увы, катастрофе, как отказе от живого чело-

⁴ В основном из-за посредственного знания английского языка мы ориентировались на оригинальные российские публикации и переводы фундаментальных трудов западной философии. Оправдание: для самостоятельно мыслящего философа достаточно знакомства с принципиальными идеями, которые, так или иначе, воспроизводятся в переводах (иначе, зачем они!). Поэтому в книге мало внимания авторам second hand, пересказывающим любые иностранные тексты любых авторов, только из-за того, что их удалось прочесть. Знание оригинала совершенно обязательно для узких специалистов: кантоведов, гуссерлеведов, дерриданцев и т. д. Наше исследование до такой колодезной глубины не (д)опускается.

веческого языка сначала в пользу текста, «письма», потом дигитальных «языков» программирования. Цифровая революция – это «время *mortido*», переход к коммуникации как «интерфейс компьютер-мозг» или «мозг-мозг», «компьютер-компьютер», то есть коммуникации без слов – как ком-мутации, путем передачи электронных импульсов и конструированию целиком искусственной, техноинтеллектуальной реальности. Так конструктивизм стал «реализмом», парадигмально объясняющим все, включая естественно-рожденные тела и вещи. Вплоть до «изобретения» и конструирования самого человека. А фактически постчеловека, чего-то роботообразного. Показано как в спекулятивно-эзотерической форме этот процесс описал Деррида, завершив его обоснованием Холокоста, Всесожжения, другими словами, Апокалипсиса человеческого мира. В сущности, Самоапокалипсиса. Как более мелкие будто бы философы суетно воспроизводят и по мере силы своих, плененных текущей ситуацией путано безжизненных умов, подобно мотылькам летящим на гибельный свет, плодят все новые и новые формы суицидной идеологии. В книге рассматриваются варианты противостояния подобной трагической перспективе.

Блок «Тьма Света» представляет собой физическую транскрипцию философской оппозиции Бытия и Ничто. Переворот этих философских Абсолютов мысли коррелятивен перевороту Тьмы и Света. Как место бытия занимает ничто, так экспансия света ведет человеческий мир к сумеркам и становится тьмой. Коварная диалектическая трансформация, перезагрузка содержания слов, ведущая к концу нашего света=бытия, т. е. тьмы как вещиности и победе тьмы (того) света как нашего ничто. На этой основе образуется отрицающий жизненный мир людей союз сциентизированной религии и мифологизированной науки. Самоапокалипсис физического Универсума – это, в конечном счете, превращение материи в информацию и коммуникацию, а потом в свет. В «информационные поля» и «Интернет всего», как мечтают потерявшие чувство жизни без(д)умные апологеты прогресса. Наступает поглощающая вечное бытие слепящая тьма. Всеобщая прозрачность и наблюдаемость как свет без тени (темноты и тайны) – свет Люцифера. Свет(л)обесие. Эта все ускоряющаяся эрозия традиционно-эволюционного мира людей в виде его технологической глобализации, когда Дом нашего бытия превращается в крематорий, наиболее адекватно выражается по-русски – Светопреставление = Представление (из) Света. Кумир прогрессменов писатель В. Пелевин свою книгу: «Ампир В» завершает настолько неожиданной мыслью, что раньше относясь к нему скептически, я его страшно зауважал как консервативного философа: «Когда-то звезды в небе казались мне другими мирами, к которым полетят космические корабли из Солнечного города. Теперь я знаю, что их острые точки – это дырочки в броне, закрывающей нас от океана безжалостного света... Спешите жить. Ибо придет день, когда небо лопнет по швам, и свет, ярости которого мы не можем себе представить, ворвется в наш тихий дом и забудет нас навсегда».⁵ Предлагается философия сопротивления подобному торжеству (того) света на Земле, суть которой в переориентации вектора развития на феноменолого-реалистический субстанциализм как мировоззрение и методологию сохранения нашей жизненной реальности.

«Спасти человека» – завершающий блок монографии, где прослеживается, как вся предыдущая проблематика отражается в судьбе философской антропологии, ее распаде и замене антропофобией. Ставшие брендом постмодернизма идеи «смерти человека» являются антропологическим воплощением процессов Самоапокалипсиса человечества. Происходит метанойя, «перемена ума», ценности жизни вытесняются ценностями смерти, суицида. С предваряющим отказом от полов (ге/й/ндеризмом/феминизмом), сексуальности и рождения, т. е. отказа от продолжения бытия *Homo genus*. Все это пропагандируется и осуществляется на глазах всех, кто еще хочет и способен видеть, оцениваясь как прогресс. Ницше пророчествовал о сумерках богов и мечтал о сверхчеловеке. Ирония истории его не миновала. Мир

⁵ Пелевин В. Ампир В (повесть о настоящем сверхчеловеке). М., 2010. С. 408.

вступает в сумерки человека, а господствующая философия культивирует их, предлагая идеалы не сверх, а постчеловека. О фаталистическом принятии этих «европейских»=глобалистских=пост (транс)модернистских ценностей, особенно в форме паранойи цифрового инновационизма можно только сожалеть: прогрессивно деградирующее, близорукое, теряющее самое себя человечество, счастье которого только в его слепоте. Мы не будем знать, когда нас не будет. Роем себе могилу, забрасывая ее цветами искус(ствен)ной лжи: «улучшение», «творческая смерть», «бессмертие», «тела мысли», «станем голограммой» и т. п.

Обсуждаются возможности противостояния этой охватывающей современную цивилизацию идолатрии, превращающей человека в средство, буквально в материал технологического прогресса любой ценой. Ценой его самого. Для сохранения нашего жизненного макромира, исходя из методологии феноменологического субстанциализма разрабатывается специальная «Философия (для) людей», которой могли и должны бы они следовать в своей деятельности, ориентируясь на возможность существования разных миров, коэволюцию естественного и искусственного. Как говорил Спиноза, каждая форма бытия хочет быть тем, что она есть. Камень оставаться камнем, тигр – тигром, ну а человек – человеком. Самоутверждение есть сущностная природа каждого существа и как таковая есть его высочайшее благо. Бытие есть Благо. За него только и стоит бороться, исповедуя ценностную антропоморфно-нормативную философию. Для чего надо не окукливаться в бронированном колпаке STS, не распространять под видом философии постчеловеческие иллюзии по-научному, а наоборот, критиковать их, сопротивляться им, делая все возможное, чтобы изменить наше положение, понимая прогресс не как движение неизвестно куда без законченного образца и идеала (де-факто regressus in infinitum), а как актуализацию и увеличение силы сущего Человека. (У)прямо и храбро глядя в про-пасть за(не)бытия, укреплять его **Мужество Быть**. Волю к жизни. Ради чего читателю предлагается данная книга.

Так продлимся...

Жизнь есть рай. Если бы только люди знали об этом, – говорил Достоевский. Автор благодарен всем сою(у)зникам по раю, особенно жене, Александре Александровне в связи с 50-летием совместного пребывания в нем. «Мы пьем из чаши бытия с закрытыми глазами // Златые омочив края своими же слезами» (О полной чаше – см. Вместо Заключения).

Часть I. Полет совы в сумерках XX века

Структура и субстрат: в защиту вещно-событийной реальности⁶

1. Кризис субстратного мира

В окружающем мире принято различать вещи, свойства, отношения. Это деление практико-эмпирическое, широко распространенное, повседневное. Специфика каждого данного понятия представляется почти очевидной, их взаимообусловленность довольно хорошо изучена. Большинство авторов согласны с положением, что отношения не менее объективны, чем вещи, и что любую вещь можно описать через совокупность отношений или свойств, а отношения или свойства раскрыть через вещьность. Взятые отдельно, ни реизм, ни атрибутивизм, ни релятивизм мира не описывают. Признание единства и связи различных характеристик бытия надо доводить до признания их взаимопревращаемости. Это самое глубокое проявление его динамического единства.

Было бы неверно утверждать, что деление на вещи, свойства, отношения утратило свое теоретическое значение, но нельзя не видеть, что в современном научном познании оно сильно трансформировалось и воспроизводится, прежде всего, в категориях субстрат, функция, структура. Воспроизводятся также и принципы их связи. Структура, функция, субстрат могут преобразовываться друг в друга, между ними существует определенное соответствие. Важно уметь соотносить результаты, полученные в этих терминах, с содержанием нашего повседневного сознания, с его выражением в понятиях «вещь», «свойство», «отношение». Тогда возникают новые значимые проблемы, заставляющие задумываться над ними уже не как элементами чистого знания, а как над элементами жизни, реалиями человеческого существования. Для специалистов по какой-то узкой теме или представителей конкретных дисциплин, способность «к усмотрению одной проблемы в обличьи разных определений», распределчиванию и сравнению ее исторических, форм, вообще, по-видимому, наиболее существенная черта философско-методологической рефлексии. Эта черта особенно актуализируется в свете междисциплинарной интеграции знания, она, в конце концов, наиболее существенна и для практики.

В последние годы мы были свидетелями того, как окружающие нас вещи, «преобразовывались в системы». Прежде монолитные, далее неделимые и непроницаемые (в логическом, а не физическом смысле), они все больше предстают внутренне расчлененными и организованными. Простое, цельное уступает место сложности, системному. Мы уже не открываем эту сложность, а признаем ее заранее, априорно, до того, как что-то начали исследовать. Соответственно, в научном познании на первый план вышли системные методы. Их пакет весьма разнообразен и непрерывно пополняется новыми модификациями. При известных условиях системой можно признать всякую совокупность компонентов, связей и отношений. Ею является и совокупность устойчивых, инвариантных, повторяющихся связей и отношений. В этом случае система обычно определяется как структура. Структура – тоже система, только не любых,

⁶ Вестник Московского ун-та. Философия. 1990 № 5. См. также кластер из трех близких к этой теме статей: О способах теоретического моделирования реальности // Вестник Московского ун-та. 1984. № 4; Комплекс как явление и понятие // Вестник Московского ун-та. 1985 № 4; Понимаю, следовательно, существую // Общественные науки и современность. 1994 № 2.

а закономерных связей и отношений объекта, обеспечивающих сохранение его свойств, тождественность самому себе, несмотря на внешние и внутренние изменения. Это абстрактно-теоретический уровень воспроизведения сложности явлений. В целом, учитывая возможность системных подходов к действительности на разных этапах познания, их чаще всего определяют как системно-структурные, системно (структурно) – функциональные, системно (структурно) – генетические и т. д.

Воспроизводя реальность через связи, отношения и функции, при системно-структурном исследовании отвлекаются от ее непосредственно «вещного», «событийного» выражения. Обобщенно говоря, отвлекаются от субстратно-качественного подхода к ней (в сущности, это философское название нашего жизненного мира), заменяя его количественно-информационным, в свете которого отдельные вещи и явления предстают в виде совокупности по-разному организованных отношений или функций, а многообразие форм движения материи как многообразии ее структурных уровней. Система, структура, функции в определенной степени независимы от своих носителей, природа которых может быть весьма различной. Как при сложении скоростей мы отвлекаемся от различия между птицей, самолетом, человеком и любыми другими объектами, если рассматривать их в качестве средств передвижения, так в процессе системно-структурного исследования мы отождествляем объекты с точки зрения выполняемых ими функций. Их качественная идентичность при этом только мешает и от нее – отвлекаются.

Исторически первым и наиболее осознанным способом подобного отражения реальности была математика. Ориентированная на количество, на число, она «по определению» жестко противостоит иным, качественным подходам, воспроизводящим действительность в чувственной форме и описывающим ее естественным языком. Долгое время считали, что одни сферы бытия (немногие) поддаются количественному выражению, другие – нет. Постепенно, однако, математика, преодолев узкие рамки фрагментарного использования, стала применяться в большинстве научных дисциплин. Математизацию науки начали расценивать как показатель, иногда даже синоним, высокого уровня ее развития. Идея *mathesis uni-versalis* пронизывает всю рационалистическую мысль Нового времени. Книга природы, говорил Галилей (Кант, Маркс) написана на языке математики. В ходе дальнейшего развития наук, математика, количественные методы перестают отождествляться с числом и практически приравниваются к методам формализации (в широком смысле слова), к логико-теоретическому воспроизведению реальности. Математика определяется как иерархия знаковых структур. Это не значит, что структурный и функциональный анализ, теория информации, логика и математика совпадают по роли, которую они играют в познании, но тем не менее ясно, что по важнейшим признакам – уровню и принципам подхода они в сущности едины. Не все абстрактные теории, не все функциональные зависимости нуждаются в численном и графическом выражении, но они это допускают, они могут моделироваться на математических машинах, компьютерными устройствами. Все рационально-логическое исчислимо, вопрос о конкретном обращении к этой процедуре является или вопросом ее целесообразности или «делом техники». Уверенность в возможности структурно-информационной обработки своих материалов овладела представителями большинства отраслей знания, полагающих, что ограничены лишь практические возможности измерения и построения математических моделей, но эта ограниченность будет преодолена по мере развития науки. Более того, с расширением структурно-функциональных подходов в познании, конструирования интеллектуально-информационных систем в технике, появились мнения, что наука вообще не имеет дела с субстратами, что они являются пережитком донаучных форм восприятия мира. Структурализм родился с лозунгом антисубстративизма, сознательно противопоставляя себя предметному (вещно-событийному) воспроизведению реальности. «С научной точки зрения, – писал один из его основоположников, – вселенная состоит не из предметов или даже «материи», а только из функций, устанавливаемых между пред-

метаами. Предметы же в свою очередь рассматриваются как точки пересечения функций».⁷ Учитывая, что функциональность является предпосылкой формализуемости, структурализм повторил поставленную прежним позивитизмом задачу превратить все человеческое знание в строгую формально-логическую науку, которая является предтечей цифрового мира. И нельзя отрицать значительной оправданности этой тенденции, особенно в связи с разработкой проблем искусственного интеллекта. Но именно только значительной, а не полной, имеющей свои онтологические и смысловые границы, о которых мы как раз намерены вести речь. Принципиальные трудности в осуществлении максималистских установок структурализма, в том числе стремления выразить все наше знание в объективированных структурах, а процесс его получения свести к переработке информации, обнаружались довольно скоро. Причем трудности эти выявились не только в социально-гуманитарных дисциплинах, но познании в целом. Каковы они и возможно ли их преодоление? А главное, в какой мере оно необходимо, является ли формализованное описание действительности высшей целью исследования (даже если не думать о его воплощении в практику)? Короче говоря, ситуация когда, по словам известного болгарского философа Савы Петрова, субстрат и субстанция вытеснены на периферию науки, а на первый план выдвинулось рассмотрение структур и функций, заслуживает гораздо большего внимания, чем ей обычно уделяется.⁸

2. Структурализм и мир информации

Обсуждая взаимоотношения системно-структурных функциональных и вещно-событийных, субстратных методов в науке, важно избежать малодушного сглаживания остроты существующих между ними противоречий. Надо признать принципиальный антисубстративизм системно-структурной методологии. Она не субстратна по определению. Представлять мир через связи и отношения, когда любой объект, вещь, любое явление, событие – не первичная, монолитная и самостоятельная единица («субстанция», «тело», «элемент», «квант»), а нечто сложное, производное, некая совокупность или компонент системы – ее *differentia specifica*. В этом сила системно-структурной методологии, обусловленная тесной ее связью со специальными научными исследованиями. По признаниям физиков, если описания твердых тел в классической физике носили феноменологический характер, то современная теория твердого тела, основанная на концептуальном и математическом аппарате квантовой механики, все свойства веществ, материалов объясняет структурой («конфигурацией») атомов. Подобный подход, по мнению некоторых методологов, является одним из главных измерений «нетрадиционной» науки второй половины XX века, имеющей дело с «такими системными проблемами, в которых преобладают информационные, реляционные или структурные аспекты, в то время как сущности, формирующие систему, являются для них гораздо менее важными».⁹

Эффективность, распространенность системно-структурной методологии привела, как часто бывает, к сознательной или бессознательной абсолютизации ее значения. Сознательная абсолютизация выливается в различные концепции структурализма в духе неорационалистического философствования и в 70 – 80-е годы XX века привела к возникновению многочисленных вариантов «системной философии» (Э. Ласло, М. Бунге, А. Бам, А. Уемов и др.). При всем различии этих подходов общим для них является то, что на философию неправомерно

⁷ Ульдалль Х. И. Основы глоссематики. Новое в лингвистике М, 1960. С. 400.

⁸ См.: Петров С. Методология на субстратный подход. София: Изд-во «Наука и искусство». 1980; а также Зуев Ю. И., Секундаит С. Г. Социальная детерминация субстратной категориальной парадигмы // Социальная детерминация познания. Тарту, 1985; Губанов Н. И. Чувственное отражение. М., 1986; Гагаев А. А. Теория и методология субстратного подхода в материалистической диалектике. Саранск, 1991. Вообще, литературы, посвященной «качественной» «гетевской» традиции, несравненно меньше, чем той, где обсуждаются абстрактно-теоретические, количественные методы, и совсем мало работ, где бы выявлялось взаимодействие структурной и субстратной реальности.

⁹ Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1983. С. 61.

переносятся особенности специального научного знания, что диалектические процессы взаимодействия теоретического и эмпирического уровней исследования заменяются абстрактными схемами логического порождения одних структур другими. Бессознательная абсолютизация не проявляется столь четко и концептуально, следовательно, анализировать ее труднее. Между тем во многих аспектах она носит глобальный характер. Вообще, мы видимо, слишком привыкли иметь дело с «готовыми направлениями», с концептуально оформленными односторонностями, а вот рассматривать тенденции самой реальности, различая среди них положительные и отрицательные, помогать формированию сознательного, то есть избирательного отношения к ним, способны далеко не всегда.

В чем же конкретно выражается абсолютизация структур и функций, приобретшая; в науке да и во всей современной культуре довольно широкие масштабы, и к чему ведет недооценка предметной, вещно-событийной компоненты в жизнедеятельности людей? Что означает и как проявляется это отрицание диалектики вещей и отношений, когда структурно-функциональные (в принципе – формализуемые, количественные) подходы считаются единственно научными, универсальными, обладающими монополией на постижение истины?

Если сначала квалифицировать, а потом доказывать, то кратко надо ответить, что односторонне функциональное воспроизведение реальности, без последующего учета роли ее субстратных элементов, специфики человеческого восприятия и человеческой меры вообще, есть, в широком смысле этого слова, сциентизм. Отрицание вещей, нужности дополнительного подхода, который бы начинал с эмпирических фактов, с «атомов», а не с целостности, означает отказ от признания существования чего бы то ни было самого по себе. Все и всегда берется через отношения, как функция, знак или манифестация другого. Отрицается самость, самостоятельность элементов, событий, ибо они, будучи включенными в систему, функционируют в ней ради целого и «для организации». Начиная с М. Фуко, Л. Альтюссера, провозгласивших «смерть человека», «теоретический антигуманизм», растворение истории в ее структурах, структурализм и системная философия опираются на предварительную дискредитацию значения явлений, роли чувственного восприятия мира как совокупности тел и вещей, на дискредитацию, в последнем счете, всей феноменологической предметной реальности нашего жизненного мира.

Структурно-функциональное снятие вещей, их превращение в точку пересечения отношений мировоззренчески означает снятие человека как эмпирического, телесного, чувствующего индивида, обладающего определенными природно-антропологическими константами. Растворяя вещи в функциях, мы растворяем необходимую основу для признания его первичности и идентичности, значения его собственного индивидуального бытия. Он становится элементом системы, который, в силу положения, всегда вторичен. Субстанциальная рациональность, предполагающая наличие непосредственных, неинструментальных связей между людьми, целиком вытесняется утилитарной, технической. Хотя признание чего-либо субстратом, телом не гарантирует существования у него человеческих качеств, отрицание подобного состояния разрушает почву для их формирования, ибо ясно, что безвещный и бестелесный предметный мир – это и бестелесный, безжизненный человек. (Лучше, пожалуй, слово «человек» писать тогда в кавычках, ибо на самом деле это будет уже только некий чистый, пустой, или чужой, разум).

К чему ведет абсолютизация методологического коллективизма, системных, в конечном счете формально-дедуктивных направлений рассмотрения человека, остроумно показал польский фантаст-философ Ст. Лем. Получается «антисолипсизм», симметрично солипсизму противостоящий, но столь же абсурдный: мир есть, меня нет, но я рассуждаю. «Солипсизм утверждает, что существую только «Я» – следует заявить, что существуют только другие. Эту доктрину, – иронически продолжает он, – можно отлично обосновать. Если бы другие люди не обращались ко мне, не отвечали на мои вопросы, захотели бы проходить сквозь меня, словом,

если бы я ни для кого не существовал, разве не следовало бы мне признать, что меня в действительности не существует?.. Да если б и впрямь существовали только «другие», то среди бихевиористов, физикалистов воцарилась бы атмосфера всеобщего облегчения, успокоения, блаженства, исчезли бы миллионы забот, короче, возник бы суший эпистемологический рай. Не придавая лично особого значения вышеизложенной абсолютно оригинальной концепции, я готов уступить ее заинтересованным лицам».¹⁰ Действительно, если существование человека целиком обуславливается отношением и связью с другими, а другие, в свою очередь, тоже существуют как совокупность отношений, то его реальное телесное бытие, бытие «здесь и теперь» трансформируется в возможное. В бытие взаимодействующих сознаний. Снимая субстратное начало, отрицая вещи, структурализм предельно рационализирует человека, сужает его мир до мира информационных связей, а жизненную активность сводит к деятельности, цели которой заданы извне, системой. Человек предстает как продукт сложившейся ситуации, а все разговоры о какой-то его самодеятельности и субъективности, о выборе и свободе – беллетристика. Не он действует, а им действуют. Он исчерпывается своей социальной или еще уже – коммуникативной ролью. Парадокс здесь также в том, что за любым явлением признается определенная качественная специфика, влияющая на индивида, а сам он берется без каких-либо собственных потребностей, импульсов и желаний, только в качестве результата влияния других. И шире: все здесь считается аргументом, все имеет самостоятельное значение, кроме того, что изучается. Последнее всегда следствие, функция, знак. Так жизнь заменяется знанием, вещи и события – информацией о них.

В рамках системно-структурной методологии довольно долго спорили о том, включать ли в структуру элементы или считать ее системой чистых отношений. Как более последовательная, победила вторая точка зрения, что еще раз подтверждает принципиальный антисубстративизм структурных методов. Ведь через элементы в структуру врываются вещественно-энергетические характеристики бытия, нарушающие ее выделенность, грозящие растворить в окружающей среде. Стремясь к строгости и точности познания, структурализм их как бы локализует, заключает в капсулу, лишая значения и рассматривая не более чем точки пересечения отношений. Этим достигается логическая однородность и целостность метода, его принципиальная формализуемость. Подобная тенденция прослеживается с истоков познания. Хорошо известно, что мышление, первоначально непосредственно включенное в предметную деятельность людей, постепенно эмансипировались от нее, теория отделилась от практики. Меньше внимания обращается на дальнейший процесс освобождения формы от содержания в самом мышлении, на происшедшее разделение абстрактных и эмпирических, структурных и субстратных методов, на образование единого языка науки (логики, математики), все более независимого от ее предметных областей. Этапным на этом пути стало образование понятия информации как самостоятельной общенаучной категории. Несмотря на различие взглядов на информацию, с ее первичной сущностной основой, которая нам именно и важна, согласны практически все: информация – это бытие, взятое со стороны его формы или, говоря современным языком, со стороны структуры. В силу того, что она является системой чистых отношений (той или иной их мерой), количеством без качества, формой без «содержания» (материи), она допускает неопределенно большое число конкретизации – может быть информацией о чем угодно, о любых предметах и явлениях. Ограничения на систему накладываются компонентами, субстратная природа которых задает ее определенную реализацию и тем самым позволяет интерпретировать теоретический формализм.

Ситуация нашего времени не требует развернутого доказательства превалирования абстрактной, информационно-рациональной стороны жизнедеятельности людей – в производстве, быту и, конечно, познании. Отражение мира современным человеком изначально прони-

¹⁰ Лем Ст. Сумма технологии. М.: Мир, 1968. С. 25.

зано концептуальностью. Не случайно в науке вместо чувственного познания говорят теперь об эмпирическом, предполагающем первичную логическую обработку чувственных данных. Исследования восприятия показывают, что оно далеко не автономно от рационального уровня отношения к миру. Также не случайно ведущим направлением в психологии становится когнитивизм. По вопросу соотношения теоретического и эмпирического преимущественно начали пользоваться взгляды, признающие не два качественно разных типа знаний – эмпирическое и теоретическое, а один – теоретический, вернее разные уровни его теоретизации. Научное знание неделимо, оно теоретично по существу – таков лейтмотив современной методологии. Речь таким образом ведется о двух уровнях одного интеллектуального способа освоения мира, а его чувственно-эмпирическое освоение как самостоятельная деятельность не выделяется. «Дихотомия» рационализма и сенсуализма, теоретического и эмпирического, сопровождающая всю историю познания, в настоящее время весьма определенно разрешилась в пользу теоретического. Соответственно этому предметы и вещи начали трактоваться, прежде всего как носители информации, как «исторически первые знаки». Естественный мир фактов и событий становится проявлением искусственного мира знаков и символов.

Так же легко превалирование структурно-логических подходов прослеживается в сфере социально-гуманитарного знания. В процессе интенсивного сближения истории с социологией большую часть пути проходит история. При классификации исторического знания описание событий, «нарратив», изучение деяний и биографий выдающихся личностей чаще всего относятся к его низшему типу. Если потребность в дальнейшей разработке истории систем и структур («системной истории») не оспаривает никто, то оправданность «временной истории», выявления мотивов людей, субъект – субъектных отношений, то есть проблематика понимания, едва получив «права гражданства», вновь начинает объективироваться и рационализироваться, истолковываясь как вид объяснения, коммуникации и декодирования информации.

В поле притяжения сциентизма попадают сферы культуры, казалось бы, чуждые логико-информационной обработке материала, например, искусство. Его усиливающийся интеллектуализм, особенно ярко проявляющийся в абстракционизме, можно считать проекцией нарастающей рационализации духа художников. Поэзию убивает рефлексия. Это признают и творцы, и критики абстрактного искусства, в центре которого находится не чувственный объект, а система функциональных связей. Объект как бы растворяется в формулах, графиках, геометрических отношениях. Главным в изображении становится не содержание воспроизводимого на картине явления, а система связей между элементами картины, некая совокупность «организованных напряжений». Тезис «бытие есть структура» (ранее, в 20-е годы, «содержание есть форма») стал ведущим для его создателей. Концептуальность, наукоподобие абстрактного искусства проявляется как в изобразительных вещах, так и в музыке, литературе, где тоже можно видеть отход от воспроизведения явлений и бегство в мир, свободный от субстратов. Мыслительные компоненты в нем явно преобладают сравнительно с наглядностью изображения, рассчитано дискурсивное теснит эстетически образное, чувственная интуиция трансформируется в интеллектуальную. Вплоть до возникновения «технологического искусства» – «искусства» без человека.

Сциентизированное сознание готово все превратить в информацию. «Всякий процесс чувственного освоения тоже можно представить как процесс получения информации. Вероятно, с определенной степенью огрубления чувственное наслаждение можно было бы определить как получение информации из несистемного материала... Представим, например, в качестве текста кусок съдаемой пищи. Весь процесс его употребления может быть разбит на этапы взаимодействия с нервными рецепторами, кислотами, ферментами».¹¹ В «научно-кислотной» форме можно представить любой акт человеческой жизни, но надо хотя бы осознать,

¹¹ Лотман Ю. Структура художественного текста. М., 1970. С. 76. 10

что при этом достигается и что теряется, выявлять границы применимости подобных подходов и, включая их в философскую рефлексию, давать соответствующую мировоззренческую оценку. Иначе, окончательная цена такого научного познания, по-видимому, сам человек. И мы ее уже платим – собой (отчуждением, кризисом эмоциональности, профессиональным идиотизмом, одиночеством, зомбизацией).

Было бы странным отрицать право художника и обязанность теоретика отражать мир, каким он становится под воздействием научно-технической революции. Вполне понятно ее многообразное влияние на восприятие действительности. Однако столь же ясно, что содержание человеческой жизни не исчерпывается дискурсивно-логической стороной. Пределы этому ставит природа человека как естественного существа. Хотя его сознание развивалось в процессе социализации, оно зависит от его биологического субстрата, от способов восприятия реальности с помощью 5 органов чувств и мозга, образовавшихся в ходе конкретной земной эволюции. Формы сознания не изолированы от «устройства» своего носителя. Потребность в образно-эстетическом, интуитивном, наглядном восприятии мира, в переживании неповторимости своего бытия в нем неотделима от человека как конечного телесного существа. Несмотря на социально-историческую изменчивость способов удовлетворения данной потребности, она сопровождает его всегда, проявляясь в сфере культуры прежде всего через искусство, основное назначение которого состоит в раскрытии жизни человеческих чувств и тех областей духа, на выражение которых не может, по самой своей сути, претендовать наука. Мерой проникновения условного, логического, границей абстрактного в искусстве служит оно само. Экспансионизм информационности не может быть беспредельным и при нарушении меры вызывает ответную реакцию в виде гиперреализма, фигуративизма, поп-арта и тому подобных течений, которые уже вообще отрицают духовность и культуру как враждебные человеческой чувственности, ведущие, в пределе, к ликвидации человека. Искусство не мыслимо без мысли, но равным образом оно перестает существовать, когда теряет образность, чувственную связь с реальностью, с материальным миром, с «традицией».¹² Его специфика именно в способности превращать любые абстракции в нечто психологически понятное, переживаемое так же, как живет повседневный человек в мире своих жизненных представлений. Никакая умственная деятельность, совпадающая с художественным творчеством в других отношениях, но этой способностью не обладающая, не искусство. «Концепт-искусство» – это, в сущности, прикладная, игровая наука. «Бесполезное мышление». Говоря обобщенно, недооценка субстратного начала и вещно-событийного видения мира ведет к эрозии непосредственного жизненного окружения человека, к его превращению из целостного телесно-духовного существа в существо информационно-духовное, притом бездушно-духовное, у», которого все чувства замещены информацией.

3. Проблема единства структурной и субстратной реальности

Хотя как правило одна и та же функция способна реализовываться на разном субстрате, их совместимость друг с другом не безгранична. Субстрат может не иметь достаточного потенциала для выполнения функции, которая, следовательно, независима от него лишь относительно. Без учета взаимообусловленности субстратов и функций нельзя получить конкретного представления о явлении, а раскрыть его переход в новое качество нельзя в принципе. Другими словами, для объяснения развития, трансформации систем мы должны подходить к ним и субстратно. Сейчас даже в самих системных исследованиях при сохранении специфической для них установки на подчинение элементов целому, все больше подчеркивается значение автоно-

¹² Неизбежность определенной традиции в искусстве и любом деле коренится, в конечном счете, и несмотря на все изменения, в «традиционности человека», живое тело, голова, две руки, две ноги и что-то еще. Как бы мир не менялся, пока это дело людей, с «традицией» придется считаться.

мии элементов, важность определенной степени их свободы внутри него. Противоречие субстрата и функций, проявляющееся в напряжении структуры – движущий фактор изменения систем. Игнорирование субстратного подхода ведет к закрытости теорий, их замыканию на самих себя, логицизму в познании, что ведет к сугубо релятивистскому, бесконфликтному и внеисторическому представлению реальности, а вообще теорию систем к парадоксам – внутренним диалектическим требованиям ее выхода за свои пределы.

Необходимость единства структурных и субстратных подходов вытекает из общей методологической установки на достижение теоретической конкретности в объяснении явлений. В свете опыта исторического развития философии это проблема соотношения рационализма и сенсуализма, теоретического и эмпирического, а учитывая ее современную социальную форму, это проблема соотношения деятельности и общения, а в сущности все это «бывший» основной вопрос философии. Слишком просто считать его решенным раз и навсегда, больше не требующего внимания. Корень в природе познания, он должен решаться постоянно, исходя из новых условий, достигнутого уровня развития науки и сдвигов, происходящих в культуре в целом. Раскрывая диалектику реальности, нельзя умалять ни одной из ее характеристик. Поскольку на разных этапах истории соотношение чувственного и рационального в человеческой жизни неодинаково, в общественном сознании на первый план выдвигается то одна, то другая сторона этого противоречия. Удержать единство противоположностей можно в том случае, если вовремя учитывать пределы каждого из начал, обосновывать адекватное потребностям времени их соотношение, опираясь на регулирующую роль философской методологии. Преодоление сциентизма возможно лишь в процессе непрерывного диалога между количественной и качественной проекциями реальности, а в пределе – диалога между наукой и гуманизмом, истиной и благом, вести который должна прежде всего философия.

При этом нельзя не учитывать, что абсолютизация системно-информационных подходов имеет социальные корни. Понятие социальной системы как таковой, как абстракции есть своеобразное теоретическое выражение ситуации, когда общественная связь индивидов между собой стала самостоятельной, отчужденной от них и властвующей над ними силой. Понимание социальных корней сциентизма тем более важно, – что как писал К. Маркс, – основным условием освобождения человека является «уничтожение того порядка, при котором отношения обособляются и противостоят индивидам, при котором индивидуальность подчинена случайности, при котором личные отношения индивидов подчинены общим, классовым отношениям».¹³ Маркс полагал, что это когда-нибудь будет возможно. Сейчас, к сожалению, есть все основания усомниться в осуществимости подобных надежд, но тем не менее за их осуществление надо бороться.

Желая обосновать необходимость сохранения субстратного видения реальности, иногда утверждают, что структурно-информационный подход к ней недостаточен, поскольку не все поддается структурированию. Границы этому ставит само бытие. Есть некие «запретные», «заветные» сферы, которые можно воспринять только качественно; или (отступая под напором в этой сфере) моделируется только интеллект, но не творческие способности; или (отступая еще дальше) смоделировать можно человека вообще, но не личность, ибо *individuum est inefabile* (индивидуальное невыразимо). Или... и т. д. Короче говоря, исчисляемо далеко не все, везде есть некий «ускользающий остаток» – сфера иррациональности, которая является своего рода онтологическим источником, базовой территорией субстратного подхода. Реальность таким образом как бы разделяется на две части, вернее на две разные реальности: информационно-количественную и субстратно – качественную (ситуация, похожая на отношение к возможностям математики в XIX веке).

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 440–441.

Думается, что несмотря на благие намерения, подобный ход рассуждений весьма уязвим для критики как в логико-методологическом, так и в философско-мировоззренческом плане. Он означает признание принципиально недоступных для нашей мысли сфер деятельности, с чем довольно трудно согласиться, потому что это ведет к агностицизму, даже еще докантовского типа, который, может быть, к сожалению, не подтверждается, ибо мы успешно познаем и истребляем окружающую нас природу. В принципе мы не можем отказать в организации, познаваемости и, следовательно, искусственной воспроизводимости ни одному конечному явлению. То, что в одной системе отношений выступает в виде неделимого, непроницаемого (непознаваемого) элемента – черного ящика, в другой предстает в виде сложной структурной целостности. Онтологической преграды структурно-количественному моделированию бытия, видимо, нет. В непонимании этого слабость многих критиков сциентизма. Мы не хотим повторять их ошибку, отрицая огромные объяснительные возможности методологического приема «сведения» вещей и тел к функциям, в том числе жизненной активности человека к его социальным ролям. Но надо противиться стремлению сциентизма, как выражению искусственного в сфере духа, подменить собой другие формы реальности, другие формы проявления человеческого существа. В «информационно-символическом обществе», о котором его бездумные апологеты толкуют как об идеале, целостному человеку не выжить. Поэтому, обосновывая методологическую необходимость взаимодействия информационных и качественных подходов, не надо забывать ставить данный вопрос и в ценностной плоскости, а именно: какой смысл превращать всю реальность в структуру структур, в иерархию функций, когда все становится знаком, притом чего-то такого, что в свою очередь тоже знак? Что дает ее тотальная возгонка в сферу информации, отношений и логики без наглядно-чувственного представления как материи и энергии? Пожалуй, ничего, кроме дурной бесконечности абстрактного редукционизма и потери специфики иных, неструктурных состояний объекта.¹⁴ Субстратный же подход, признавая первичность данного объекта, беря его как причину, а не как следствие, как факт, а не как знак другого факта, как реальность, а не как информацию о ней, указывает на конкретное человеческое воплощение той или иной структуры. Для своей точной формулировки законы современной физики требуют категории возможного. Но для практики и жизни, являющимися смыслом познания, нужен их перевод в категорию действительного. Либо ограничения в использовании, оставления «внутри физики».

Самостоятельность бытия объекта, обычно представляемую в виде пространственно-временной локализованности, надо понимать глубже. Из бесконечного множества отношений и функций, в которые включен объект, он выделяется человеком субстратно: предметно-чувственно – в восприятии и образно-чувственно – в воображении. Как для того чтобы видеть, необходимы свет и тьма, так для того, чтобы нечто выделить, необходимо взаимодействие структуры, функций, организации – с одной стороны, и «хаоса», «материала» (вещества, поля, вакуума), сферы «несистемности», с другой. Нужны две противоположные проекции реального: структурно-информационная и субстратно-предметная. Первая раскрывает логически возможное пространство-время существования объекта, вторая очерчивает его существование в определенном, человеческом пространстве-времени – физическом, биологическом, социальном или психическом. Первая имеет дело с теориями, выступающими как «когнитивные машины», вторая с эмпирией, с проявлением активности людей как природно-практических телесных существ. Когда говорится, что «праматерией» в современной физике является вакуум, «струны», геометрия возможных миров, а вещи представляют собой «электромагнитные возмущения в пространственно-временной матрице», то не надо забывать, что челове-

¹⁴ Как мы видели «в других терминах», это ведет к потере специфики живого, когда предлагается «функциональная концепция жизни», например, на «кремниевой основе». Но если это жизнь, то не земная, а точнее, и не жизнь, а разум. Реализованная в физике, подобная установка превращает ее в геометродинамику.

ская жизнь проходит в конкретном мире, где яблоки пахнут (или, по крайней мере еще совсем недавно, пахли), огонь жжет, а музыка звучит. Эйнштейн, которому принадлежит вышеприведенное определение вещей, этого во всяком случае, не забывал. На вопрос, все ли можно описать с помощью методов естественных наук, он ответил, что можно, однако не имеет смысла. Или, как писал русский философ Георгий Иванов о поэзии С. Есенина: «...по отношению к Есенину формальная оценка кажется ненужным делом... Это вообще скучное занятие, особенно когда в ваших руках книжка Есенина. Химический состав весеннего воздуха тоже можно исследовать и определить, но... насколько естественней просто вдохнуть его полной грудью».¹⁵

Графиком, уравнениями, рядами цифр можно описать что угодно – звуки, цвета, звуки перевести в цвета, установив между ними определенное соответствие. Но это апелляция к другим способностям человека, например, к рациональному мышлению: а значит и нечто другое. Отражать действительность только логико-теоретически – это превращать человека в мозг, в сознание, в информационный комплекс (довольно несовершенный в сравнении с искусственным, компьютером). При всем уважении к этой одной из высших способностей человека, они ею не исчерпываются. Ведь даже мыслит человек целостно. Неизбежность качественного воспроизведения реальности, субстратного подхода обусловлена тем, что сам человек как субъект жизни, частью которой является познание, существо «вещное», телесное и чувствующее. Наряду с культурой, он обладает природным измерением, отрицать которое решаются лишь люди, зашедшие в своем сциентистском рвении за черту здравого смысла. Информационное преобразование реальности не самоцель. Признавая возможность формализации всего нашего знания, важно заботиться об его такого же рода интерпретации и сохранении вещно-событийной картины мира.

Подобным образом, видимо, следует рассуждать и применительно к «вещам во времени», событиям социальной истории. Границы ее формализации надо искать не в объекте исследования, а в целях, в соответствии с которыми выбираются методы. Никто не спорит, что социально-историческое исследование эмпирично, описательно и неполно без его завершения в логической форме, без раскрытия структуры социального бытия. Но не менее справедливо и то, что получить содержательное представление об истории, раскрыть смысл и мотивы поведения людей, опираясь на одни объективно-социологические законы, тоже не удастся. Клиометрия, структурирование останутся голыми абстракциями без их конкретизации через значения человеческой деятельности, без их субстратной интерпретации. Между структурным и субстратно – событийным воспроизведением социальной жизни, так же как между количественным и качественным подходами вообще, нет объектного деления на сферы действия. Реальность у них общая, но в разном состоянии, откуда и разные формы ее описания, притом одно описание предполагает другое. Представление, что структурное социологическое рассмотрение выявляет необходимые связи – «главный ствол исторического развития», а субстратно – событийное, историческое направлено на рассмотрение дополняющих закономерность случайностей – «сучьев и боковых ветвей» исторического древа, является слишком упрощенным. Общее тоже входит в историческое описание, но в виде и через индивидуальное, особенное, а индивидуальное, личностное нельзя отсечь от общего, его надо в нем увидеть. Вся социальная действительность может быть рассмотрена через призму сознательных деяний субъектов, а также с позиций выявления значения этой деятельности для конкретных исторических личностей. Общее направление, «главный ствол» развития слагается из тех же клеток, что и его ветви. Изучение фактов-событий, поступков людей нужно не только для формулирования законов истории – оно имеет собственную ценность, ценность человеческого опыта и примера. Познание социальной жизни наряду с гносеологическими, выполняет аксиологические, вос-

¹⁵ Цит. по кн.: *Анненков Ю.* Дневник моих встреч. М., 1991. С. 162.

питательные функции, выводя исследователя за рамки теоретической деятельности, в сферу духовно-практического освоения мира.

Каждая форма познания самоценна. Системно-структурные, количественные методы, как мы пытались показать, не отменяют потребность в субстратно – качественном видении реальности, в раскрытии диалектики искусственных и естественных тенденций в познании. Можно сказать более обобщенно: самоценна каждая форма, каждый уровень бытия. Смысл человеческого существования нельзя ограничивать тем, что данное поколение, тот или иной этап жизни личности служат их последующему более высокому состоянию, то есть прогрессу. Прогресс не самоцель. Цель для человека сам человек, сохранение его как формы бытия, хотя, разумеется, не застывшего, меняющегося, но в пределах своего качества. Эта философская ориентация в настоящее время весьма актуальна. Из нее вытекает необходимость сохранения природы, животных и растений не единственно по соображениям их пользы для человечества, но из уважения к природе самой по себе, к ее праву на существование. Отсюда же следует, что научно-техническая активность человека не может быть безграничной, не соотношенной с его жизненной основой. Философское понимание экологии предполагает более глубокий взгляд на сохранение природной среды, адекватной человеку как целостному телесно-духовному существу, не сводимому ни к «совокупности отношений», ни к информационному комплексу. Оно особенно актуализируется в условиях компьютеризации общества, энтузиасты которой все чаще даже перестают вуалировать идеи «устарелости человека» и превосходства над ним, по крайней мере в перспективе, систем искусственного интеллекта. Сохранение вещно-событийной картины реальности, субстратной методологии, преемственности в истории и традиции в культуре является также условием сохранения жизненного мира людей, преодоления отчуждения между общественным и индивидуальным сознанием субъектов деятельности, между их ролями и экзистенцией, необходимой предпосылкой ведения ими напряженной, но здоровой жизни. Это своего рода духовно-экологический аспект любой человеческой активности и составной компонент материалистическо-натуралистического мировоззрения, защита и развитие которого на современном этапе цивилизации приобретает новую значимость, связанную с тем, что оно является теоретическим фундаментом гуманизма.

Утопическое и реальное в учении о ноосфере¹⁶

1. Ноосфера как утопия

Основоположники учения о ноосфере (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский) верили, что человеческий разум, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет к упорядочению природной и социальной действительности, к более совершенным формам бытия. Как результат планомерного, сознательного преобразования биосферы, ее перехода в качественно новое! состояние возникнет ноосфера. Этот процесс рассматривался ими как несомненное благо, несущее человечеству разрешение его трудных проблем. В. И. Вернадский и даже П. Тейяр де Шарден (последний, правда, не охотно, но логика требовала) связывали его с социалистической организацией жизни людей, расширяя задачи преодоления стихийности природы до преодоления стихийности развития общества. В некоторых случаях ноосфера рассматривалась как полное устранение зла, как всеобщее благо, что особенно типично для ее космических вариантов (К. Э. Циолковский).

Нет смысла в подробном воспроизведении такого рода представлений. Они давно стали тривиальными, а люди, стоявшие у их истока, превращены в иконы. Пытаясь преодолеть политическое идолопоклонство, мы продолжаем культивировать научное. Некоторые направления мысли, близкие к учению о ноосфере или являющиеся его предпосылками, например, «русский космизм», фактически еще не были и чем дальше, тем менее вероятно, что будут объектом трезвого анализа. Критический взгляд на них как бы неприличен и свидетельствует об отсутствии у покушающегося на него возвышенности духа. Социально-антропологические проблемы современности, однако, столь тревожны, что требуют мыслить и действовать, несмотря на теоретические стереотипы. Суть взгляда на ноосферу, который мы хотим здесь развернуть и который, как нам кажется, более отвечает ситуации, такова: *это учение с самого начала несло в себе элементы утопии; в нем переплелись аксиологические и онтологические подходы без какого-либо их разграничения; ценностные характеристики ноогенеза до сих пор являются однозначно положительными, что противоречит диалектике жизни; надо различать трактовку ноосферы как утопии, и ее реальное состояние. Одно не должно заслонять другое.*

В мировоззренческих теориях элементы утопии неистребимы. Утопия – некая система идей, выходящих за рамки наличного бытия и связанных, помимо знания, верой и надеждой. Утопии – «бывшие» мифы, мифы разума, пришедшие на смену мифам чувственного воображения в процессе исторической рационализации человеческого духа. В развитии общества идеалы, мифы, утопии играют двоякую роль: бывают полезными, функциональными, вдохновляют и направляют людей (их можно назвать «практопиями»), а могут дезориентировать, вести к упадку или быть моделью упадка (тогда их называют дистопиями) – притом одна и та же утопия на разных этапах своего существования. Важно вовремя от нее отказаться, скорректировать или сменить на другую. Об опасной двойственности мифов и идеалов, наиболее ярко обнаружившейся в XX веке, пронизательно писал Н. Бердяев. «Утопии выглядят гораздо более осуществимыми, чем в это верили прежде. И ныне перед нами стоит вопрос, терзающий нас совсем иначе; как избежать их окончательного осуществления»¹⁷. Это высказывание Н.

¹⁶ Природа. 1991. № 11. См. также кластер из трех близких по этой теме статей: Универсальный эволюционизм или коэволюция? // Природа. 1988. № 8. Человек в постчеловеческом мире: проблема выживания. // Природа 1989. № 5; Космизация земли как угроза человечеству. // Общественные науки и современность. 1994 № 5.

¹⁷ Цит. по статье «Утопия» // Советская энциклопедия М., 1977. Т. 27. С. 143.

Бердяева относится, прежде всего к социальным утопиям. Но не только. Социальные утопии обычно опираются на предположение о возможности идеально разумного устройства жизни во всей глубине, когда совершенному устройству общества соответствует упорядоченная природа и совершенный человек. Социальные утопии – ядро более глобальных, направленных на переустройство всего мыслимого мира.

Особенностью развития утопий, вообще идей является то, что по мере приближения к воплощению, в них обнаруживаются дотолде скрытые противоречия. Возникает необходимость преодоления данной утопии, прежде всего через разграничение желаемого и сущего в ней, ценностных и онтологических представлений о реальности. Под закон жизни и смерти утопий подпадает и учение о ноосфере в той его части, где оно действительно утопично. Из него же следует, что если на первом этапе становления ноосферы трудно, неоправданно ожидать критического отношения к отражающему происходящие процессы учению – оно выступает как положительное решение существующих в тот период острых проблем, то на этапе полноты раскрытия, когда оно приобретает черты реальности со своими собственными проблемами – мы обязаны это делать.

Сейчас ноосфера в стадии интенсивного воплощения, превращается в техносферу, и по масштабам соперничает с «чистой» биосферой. Появилась угроза существованию природы в качестве самостоятельной целостности. Между тем отношение к ноосфере продолжает быть преимущественно восторженным, будто ее развитие не стоит ни в какой связи с кризисом современной цивилизации. Научно-рациональные элементы деятельности превозносятся как абсолютное добро, как необремененные внутренними противоречиями. «По мысли В. И. Вернадского, ноосфера – это гармоническое соединение природы и общества, это торжество разума и гуманизма, это слитая воедино наука, общественное развитие и государственная политика на благо человека, это – мир без оружия, войн и экологических проблем, это – мечта, цель, стоящая перед людьми доброй воли, это – вера в великую миссию науки и человечества, вооруженного наукой».¹⁸ Извиняющее данный панегирик обстоятельство, что он был высказан в юбилейном докладе. Но это вполне адекватное отражение отношения к ноосфере, до сих пор господствующего в нашем повседневном сознании, науке и философии.

2. Ноосфера как реальность

Каково же действительное содержание процессов в «области планеты, охваченной разумной человеческой деятельностью», как определяет ноосферу философский словарь? При непредвзятом взгляде их надо назвать глобальными проблемами человечества. Становление ноосферы и возникновение угрожающего самому существованию людского рода кризиса – один и тот же процесс. Ноосфера как реальность является искусственной техногенной средой, которая теснит и подавляет ареал биологического бытия. Формирование искусственной среды открыло перед людьми небывалые возможности для роста их материальной обеспеченности, комфорта и безопасности, подняло на новую ступень культурное развитие, но оно же ведет к загрязнению воды и воздуха, опустыниванию почвы, общей деградации естественной среды обитания. По последствиям для человека чрезмерное разрастание искусственного явление сугубо противоречивое, с неясными перспективами.

Демииург искусственного – разум, мысль, проектирование и конструирование. Их определенное выражение и плоть – техника. «Разум есть потенциальная техника, техника есть актуальный разум, – отмечал П. А. Флоренский. – Другими словами, содержанием разума должно быть нечто, что воплощаясь, дает орудие. А так как содержание разума, как выяснено, – термины и их отношения, то можно сказать: орудия – не что иное как материализованные

¹⁸ Барсуков В. Л., Янишин А. Л. В. И. Вернадский – великий ученый и мыслитель // Вестник АН СССР. 1988. № 6. С. 56. 26

термины, и потому между законами мышления и техническими достижениями могут быть усматриваемы постоянные параллели».¹⁹ В технике для П. А. Флоренского воплощается логос, противостоящий хаосу. Хотя как религиозный человек он чувствовал узость сведения духа к разуму, культуры к науке и технике и вместо ноосферы предлагал говорить о пневмосфере («духосфере»), экспансия рациональной компоненты духа с начала XX века была так сильна, что мышление стало почти отождествляться с духовностью и понятие пневмосферы не прижилось. Не потому, что оно высказано в частном письме к В. И. Вернадскому, а потому, что оно не рождалось у других, не было укоренено во времени – ни тогда, ни сейчас. Не случайно, потребность в обновлении мировоззрения, идеологии, психологии мы сужаем до потребности в обновлении мышления, духовность начинали называть менталитетом, а любовь заменяется техникой любви («сексом»). Культура сциентизируется, технизируется, поэтому приходится сказать, что подлинным денотатом ноосферы является искусственная реальность, образующий фактор которой, в широком смысле слова – технология.

Структурно, ноосфера и техносфера – синонимы. Не разрушая категориальной сущности, этот ряд можно продолжить понятиями на-укоосферы, рацииосферы, инфосферы, интеллектосферы. Буквальной реализацией ноосферы будет феномен искусственного интеллекта, который, охватив Землю, став «Интернетом всего» превратит человеческое мышление в свой элемент. О субъектности не только отдельного человека, но и человечества тогда уже не может быть и речи. Оно становится «материалом ноосферы». Все эти новые технологические формы, порождаясь природой, «снимают» ее, противостоят ей. Основное глобальное противоречие, разламывающее нашу судьбу – противоречие между естественным и искусственным, между универсумом природы и универсумом деятельности. Данное противоречие существовало с момента появления человечества, но в настоящее время оно обострилось до критического состояния. Нет смысла повторяться насчет различных, возникающих перед нами опасностей. Об этом все пишут. Специфически философская проблема, – заметил как-то известный специалист по социальной экологии Р. Баландин, в другом: как удивительно неразумное устроена «ноосфера», сколько бессмыслицы в поведении людей, если они пустячные, необязательные, а то и сомнительные удобства или удовольствия готовы оплачивать собственной жизнью.

Чем обусловлено это «неразумие» собственной человеческой сферы разума? Только ли субъективными причинами – нашей глупостью, слабостями, недалекостью? Они, как говорится, «имеют место», но суть вопроса все-таки глубже. Осмелимся выдвинуть тезис, расходящийся с традиционными философскими представлениями в принципе, а именно: *субстанциально логос не является противоположностью хаоса*. Все дело в уровне организационной сложности бытия и месте человека в нем. Начиная с античности, стихийное, слепое, хаотическое отождествляется с материей, телесностью, а форма, структура – с идеей, разумом. Мысль противостоит природе как сознание – бессознательному, как закон и мера – беспорядочному, косному, непредсказуемому. Если, однако, оппозицию логоса и хаоса опустить с божественно-космической высоты на землю, то это оппозиция освоенного и дикого (вареного и сырого по Леви – Строссу), это отношение между искусственным и естественным. Говоря современным языком, это с одной стороны, знание, информация, а с другой – «вещность», субстрат, который надо организовать, «обработать». Подлинно мы знаем то, что создали сами. Тогда мы им владеем, управляем, оно нам подчинено. Горшок не может быть сложнее горшечника, машина не может создавать то, что не помыслил человек. Критерием истины, как и критерием нашего могущества, господства над природными объектами считается практическое осуществление замысла по их преобразованию.

Но что происходит с этой тысячелетней парадигмой, когда ноосфера начинает преобладать над биосферой? Она «перестает работать», теряя объяснительную силу. Действительно,

¹⁹ Флоренский П. А. Homo faber. Публикация в: Половиккин С. М. Флоренский П. А., логос против хаоса. М., 1989. С. 56–59.

разве мы не свидетели «хаоса по – управленчески». Множество акций предпринимается сознательно, по планам и целевым программам, а результаты сплошь и рядом противоположны намечавшимся. В синергетике, особенно в работах И. Пригожина, показано, как хаос превращается в порядок. Порядок из хаоса. Но не отношение, по-видимому, симметрично. И надо считаться с тем, что порядок может превращаться в хаос. *Хаос из порядка!*

Рубеж самостоятельности любой системы по отношению к человеку определяется, мерой ее сложности. Мы иступили в мир нелинейных взаимодействий, состоящий из систем с многозвенными обратными связями. Вернее не вступили, а создаем, ибо сами по себе вещи не сложны и не просты, это зависит от притязаний к ним. Огурец прост для еды, сложнее его вырастить, необычайно трудная задача для желающего произвести его биологический аналог. И птица легко парит в поднебесье. Это просто ее жизнь. Но сколько сведений из механики, физики, химии нужно для того, чтобы в воздух, а тем более в космос поднялся человек. Весьма сложная теория, как известно, нужна для того, чтобы объяснить, как ребенок держит голову. Ее у нас нет, но младенец, к счастью, не знает об этом и делает все без математических расчетов. Напротив, простейшее движение робота-манипулятора является результатом предварительно составленной программы. Вообще, сложность там, где искусственность. И чем отчужденнее процессы или объекты от возможности их непосредственного восприятия человеком как целостным телесно-духовным существом, тем они являются для него более сложными.

Действительно, нередкость, когда решения, рациональные по отдельности, в условиях сложного взаимодействия превращаются в иррациональные. Возникает «ловушка рациональности», выбраться из которой, руководствуясь одной последовательностью рассуждений – нельзя. Люди, плененные такой рациональностью, все экологические требования к какой-либо социотехнической системе воспринимают как безответственные и абсурдные, хотя на самом деле абсурд заключен в логике ее развития. Абсурд для человека. Типичной при управлении сверхсложными системами является ситуация, когда отдельное конкретное решение по улучшению ее функционирования дает эффект общего ухудшения. Усиление воздействия, направленное на болевую точку системы либо бесполезно, либо приводит к противоположному результату, когда рациональное решение превращается в иррациональное. Так логос порождает хаос. Конечно, развитие можно просчитать на несколько ходов дальше, но связи бывают еще более многоступенчатыми. На определенном этапе управляющая система становится сложнее системы, которой надо управлять. Надеяться, что искусственная реальность, ноосфера как целое, как универсум деятельности будет подвластной нашей воле, хотя бы и вооруженной большими компьютерами, значит плодить иллюзии.

Известно, что человеколюбивый вор титан Прометей, украв у Богов, дал людям огонь. Огонь – символ техники, орудийности, господства человека над природой. Теперь техника угрожает господством над человеком. Придется вспомнить, что Прометей дал еще одно благо, которым мы, к сожалению, слишком часто пользуемся, не замечая.

Хор: Не сделал ли ты больше, чем сказал?

Прометей: Я от предвидения избавил смертных.

Хор: Каким лекарством их уврачевал?

Прометей: Слепые в них я поселил надежды.²⁰

Ноосфера как гармония – сциентистский аналог социально – политической утопии коммунизма и прочих, более ранних мечтаний о рае. В соответствии с духом времени она опирается на науку. Так к ней и надо относиться, хотя против утопий и надежд вообще выступать нет смысла. Они полезны в той мере, насколько смягчая трагические реалии, помогают жить. Когда же утопия самодовлеющая, мешает трезвому взгляду на вещи, она может стать опаснее того, от чего спасает. Нужны реалистические надежды, функциональные утопии. Надежды, что

²⁰ Эсхил. Прикованный Прометей // Античная литература. Антология. Ч. 1. М., 1989. С. 231.

возможно длительное совместное развитие биосферы и ноосферы, при котором скорость преобразования окружающей среды будет не выше скорости нашей адаптации к ней. Эти надежды надо отличать от иллюзий и вытекающих из них ошибочных действий с целью, если не исключить их, то хотя бы ограничить.

3. Автотрофы: люди или роботы

Одной из самых сомнительных, да и просто антигуманных, требующих соответствующей оценки идей в учении о ноосфере, является положение о возможности для человека автотрофного питания. Эта идея с далеко идущими последствиями, она лежит в фундаменте упований на индивидуальное бессмертие людей. Тем она привлекательна и тем опасна. А также тем, что научное сообщество обсуждает ее не как некую фантазию, а вполне серьезно, пытаясь поставить на практические рельсы. Предполагается, что в будущем человек станет пополнять свой энергетический потенциал посредством химико-электрических процессов, минуя стадию их превращения в органическое вещество, в растения и прочие живые формы. Переходным этапом к этому состоянию можно считать питание гидропонной массой или некими растворами, вводимыми прямо в кровь, без использования органов пищеварения. Но далее лучше не конкретизировать и кто рассуждает об автотрофном питании избегают думать на тему, во что в таком случае превратится человек, как изменится его облик и стоит ли его вообще тогда называть человеком. Человек ли голова профессора Доуэлла, к которой подводили питательные смеси и информацию? Кто это будет делать, когда все достигнуто стадии «цефализации», о чем мечтают энтузиасты автотрофности? Чтобы уйти от неприятных вопросов, они толкуют о «первородном грехе человечества» (гетеротрофное питание), ссылаются на вегетарианцев, упрекающих остальных людей в том, что те едят трупы (причем сами вегетарианцы не автотрофы), привлекают аргументы из арсенала моральной демагогии. Когда это делается не злонамеренно, то... прости им Господи, они не ведают, о чем говорят.

Во времена В. И. Вернадского представления об автотрофной форме разума по необходимости были довольно туманны. Сейчас другое дело. Сейчас можно уверенно заявить: мечты сбываются, автотрофы рядом с нами. Это роботы и стремительно совершенствующиеся системы Искусственного Интеллекта, высокоорганизованные компьютерно – технические устройства. Их создатели, да и широкая публика не сомневаются, что естественный человеческий разум может быть воспроизведен искусственно. А где воспроизведен, там и превзойден. Однако это уже будет нечто иное, не «мы». Не случайно в литературе появляются оценки искусственного интеллекта как этапа эволюционного снятия человеческого разума. «Ближайшие поколения, – мечтают энтузиасты роботизации человека, сами пока, по недоразумению, находясь в его образе, – вынуждены будут примириться с неизбежным сбрасыванием интеллектом своей принудительной (?! – В. К.) биотической оболочки, начинающей сковывать его дальнейший рост и угрожать физическому существованию его носителя, а одна из эпохальных задач их деятельности обеспечить надежную преемственность, по возможности безболезненное перерастание в «постчеловеческую» цивилизацию».²¹ Как видим, заботясь о спасении от «угрозы физическому существованию носителя разума», его (носителя) предлагают поскорее ликвидировать. Заняться данной процедурой должен сам носитель – ближайшие поколения. Им предлагается своеобразная программа самоубийства. Еще раньше, доводя до «вселенской евгеники», подобные идеи высказывал К. Э. Циолковский. «Могущество совершенных прони-

²¹ Назаретян А. П. Интеллект во вселенной. М., 1991. С. 195. Аналогичные идеи в литературе по искусственному интеллекту высказываются все чаще. См., например: *Molik Peter. Artificial intelligent as evolutionary stage of human mind // Journal of the British Interplinary society. 1984. Vol. 34.*

кает на все планеты, на всевозможные места жизни и всюду. Оно, без страданий, уничтожает несовершенные зачатки жизни. Эти места заселяются их собственным зрелым родом».²²

В свете таких вдохновляющих планов разговоры о ноосфере и автотрофном человеке были и продолжают быть мировоззренческой подготовкой, идеологическим компостом для произрастания искусственного интеллекта и вытеснения им человека как живого «несовершенного» существа. Соотносительно с требованиями автотрофности он предстает теперь как робот нулевого поколения, «компьютер из мяса» и в этом качестве будет действительно вытеснен более современными формами. По параметрам автотрофного интеллекта он – роботообразное. Включенный во взаимодействие с высокой, сложной и скоростной технологией, он тормозит ее прогресс. Знаменитые слова К. Э. Циолковского: земля – колыбель человечества, но человечество не будет вечно жить в колыбели, справедливы для «разума вообще», который действительно может быть и в другом месте, на другой основе, но жизнь, в том числе в ее высшей разумной форме – явление земное. И когда говорят о ее распространенности по всей Вселенной, то без всяких оснований и аргументов совершают довольно банальную подмену понятий – жизни и разума. Если на Земле они были до сих пор разделены – и по объему, и по сути, то «для Вселенной», для космоса, их отождествляют.

Естественное человеческое мышление, сплетенное с чувствами и переживаниями, неотрывно от людей как рождено – смертных, биотических, разделенных «по полам» существ. Разум «без жизни» есть выход за пределы человека, антропологии и гуманизма. Не случайно, наиболее решительные адепты искусственного, а мы теперь вправе написать «автотрофного» интеллекта, от критики антропоцентризма перешли к критике гуманизма. Как мировоззрения и как практики. Если на первых порах эта критика велась в экологической маске, была направлена против «идеологии господства человека над природой», то вскоре выяснилось, что за ней скрывается тенденция к еще более агрессивной форме господства разума, уже чисто технического. И не только над природой внешней, но и над самим человеком, природой внутренней. Антропоцентризм атакуется не с позиции сохранения естественного, а с позиции экспансии искусственного. Мировоззренческое обесценивание гуманизма ведется с целью сциентизации, а не натурализации жизни.²³

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что проблема человека «традиционного» и «человека» автотрофного – это проблема соотношения живого биогенного разума, продукта развития естественной реальности – людей, и разума техногенного, продукта развития созданной этими людьми искусственной реальности – роботов шестого и последующих поколений. Между ними есть несомненное сходство, но нас в данном случае занимает различие этих форм разума, ибо сходство можно найти кого угодно с чем угодно и если человека ампутировать до головы, а духовность и сознание свести к информации, то разница между ним и компьютером будет только количественная. С другой стороны, если роботов наделит чувствами, переживаниями, телесностью, то разница та же сотрется, но делать этого нет смысла, так как значило бы лишить их тех преимуществ, ради которых он создаются. Высокосовершенные роботы – не новая раса людей, а новая форма разума – автотрофного, техногенного, «постземного», космического. Его развитие не остановить, за ним не угнаться! Для тех, кто желает оставаться человеком, единственно! по-видимому, здоровое отношение к данному процессу – параллельная борьба за сохранение естественной земной среды своего существования как условия сохранения своего разума.

²² Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе. Тула. 1986. С. 376

²³ Дискуссию о судьбе гуманистического мировоззрения см.: Назаретян А. П. В многомерном мире раскрывается ограниченность гуманизма // *Общественные науки и современность* 1991. № 6; Моисеев Н. Н. Рациональный гуманизм // *ОНС* 1992. № 3; Школенко Ю. безграничность гуманизма // *ОНС*. 1992. № 4; Назаретян А. П. Беспредель ли человек? (Еще раз о гуманизме и его паллиативах). *ОНС*. 1992 № 5 и др.

4. Космос захватывает Землю

Однако становление искусственного мира, сначала в виде модификации естественных форм, потом их имитации и создание невиданных в природе вещей и веществ, а скоро и существ, смещает центр нашей деятельности с земли на «небо». Движение от жизни и природы к технике и космосу, от естественного к искусственному – это стрела, пронзающая всего человека. И прежде всего, его сознание.

Поворотным пунктом в ноокосмизации нашего сознания является отказ от геоцентризма науки. Можно, однако, спросить, а разве Коперник уже не сделал этого? Да, конечно, но он преодолел его в астрономической области, касающейся устройства собственно Вселенной. Теперь же речь ведется, как ни парадоксально, об отказе от геоцентризма на Земле, о «космической революции» в науке вообще. Наука пошла по космическому пути – вот мотив, все громче звучащий среди методологов и философов. Только в биологии насчитывается около десятка направлений космического характера – астробиологическое, космологическое, планетарное, астронавтическое, микрофизическое, космической медицины и т. д. Прорабатываются проблемы будущего производства вне Земли, развития систем жизнеобеспечения космонавтов, возможности космического использования земной промышленности. На выход в космос нацелен военно-промышленный и военно-исследовательский комплекс большинства развитых стран. В этом начинают усматривать суть нового этапа научно-технического прогресса. Или даже «ускорения прогресса», редко задумываясь, «зачем».

Признавая подобного рода влияние космоса на науку, мы хотим сказать больше: его нельзя ограничить расширением «сфер захвата». В таком случае было бы достаточно признать факт разделения научных дисциплин на геоцентрические и геоэксцентрические, отмечая при этом, что число последних растет. Проблема, однако, глубже. Если мы осознали космологический смысл техники, то отсюда вытекает, что космизация науки совпадает с процессами ее технизации. В фундаментальных областях с ее превращением в проектирование и мыследеятельность. От «открытия мира» человек переходит к его «изобретению», порождая искусственную реальность, которая распространена гораздо сильнее пока на Земле и именно она вносит решающий вклад в формирование негеоцентричности мышления. Современный уровень техники – вот причина торжества ноосферно-космической и истощения теллурической научной парадигмы, свидетелями чего мы являемся.

На фоне отказа от геоцентризма нарастает критическое отношение к антропоцентризму. Пафос критики – его несовместимость с задачами сохранения природной среды. С библейских времен поставленный господином над всей землей и ее тварями, человек не сдерживал своего губительного эгоизма. Теперь ради собственного блага он должен перестать считать себя привилегированным существом. Но предлагая отказаться от геоцентризма, как-то забывают уточнять, в пользу чего это должно быть сделано. Исходя из содержания критики, логично было бы думать, что в пользу природы, биосферы, то есть антропоцентризм заменяется природоцентризмом. Увы, природоцентризм представляется уже нереальным, он противоречит прогрессу, который «не остановишь». И наиболее распространенная антитеза антропоцентризму или «ничего», или антропокосмизм – «человек космический». Антропокосмизм – последнее слово философии техники.

Поскольку в понятии антропокосмизма человек (антропос) остается, то фактически это или только воспроизведение отказа от геоцентризма, или человеку тут не придается решающего значения. Он просто «слово» и мы имеем отказ от приоритетности земли и человека имеете. Отказ в пользу космоса ли? Неужели в пользу пустого космического пространства как некой бессубъектной, неструктурированной сферы? По-видимому, все-таки нет. Центр, субординации существуют: в этой роли выступает та же техника, но не «вообще», а имитирующая

человека, его поведение и функции. Это высокоразвитые компьютерные системы с искусственным интеллектом как носители самостоятельной исследовательской активности. Образы объектов, которые они дают, строятся из информационной субстанции. Когда по телевизору показывают комету, это не результат пропорционального уменьшения ее действительного размера, как в оптическом телескопе, а информационно-графический продукт работы вычислительной машины. Это так называемая «натурная информация». С действительным объектом она совпадает по математическим параметрам, а краски, коричневое ядро и голубой хвост вполне условны. Человеческое восприятие космических процессов, как и процессов в микромире, так или иначе опосредовано техникой и наши органы чувств имеют дело в основном с экранами.

Промежуточной, переходной ступенью к антропокосмизму можно считать превращение человека в «фактор», когда он берется как элемент более сложной организационно – деятельностной системы. Переставая быть в центре природы и выросшей на ней теллурической культуры, он становится одним из компонентов человеко-машинного взаимодействия. Возникает так называемый «технологический человек». Не обязательно в космосе, хотя космонавты наиболее яркие его представители, а на земле, и не в далеком будущем, а сейчас. Одна из последних Всесоюзных конференций, проходившая в 1991 году в Новосибирске, называлась «Проблемы эффективного включения человеческого фактора в интеллектуальные системы». Здесь, действительно, заподозрить антропоцентризм просто невозможно. В аналогичном контексте ведется речь о преодолении антропоморфизма, а нередко и биологизма в... биологии (ее превращении в теорию эволюции знаковых систем, в биосемиотику), психологизма в... психологии (ее превращении в когнитивистику) и вообще о деантропологизации... творчества.²⁴

Хотя в выработке «программы Вселенной» человек творящий играет как будто большую роль, нежели человек наблюдающий, создаваемые им модели принципиальным образом зависят от уровня развития общества как такового, накопленной информации и средств ее обработки. А роль исследователя в компьютерном моделировании – быть одним из факторов данного процесса. Антропокосмизм не противоречит отказу от гео- и антропоцентризма потому, что он также техноцентричен, как вся новейшая наука. Более того, он находится на передовых рубежах ее технологического перерождения, мировоззренчески перенося этот техницизм с Земли и ближайшего Космоса на Вселенную в целом. Вопрос же о том, какова Вселенная «на самом деле», перестал быть правомерным уже после теории относительности Эйнштейна, с крушением классической парадигмы науки как естествознания в буквальном смысле слова (как знания естества). Конец естествознания, а, например, по мнению Г. П. Шедровицкого, это конец науки и нынешние занятия теоретиков следует считать мыследеятельностью, совпадает с концом теллурического периода развития человечества, открытием микро- и мегамиров, формированием техногенной, «постприродной» и «постчеловеческой» реальности – космосферы. *Предметно понята ноосфера – это кос-мосфера.*

5. Прельщение бессмертием

Наступление сциентизма на жизнь сопровождается его выступлениями против смерти. Идеология автотрофности, рационализации, цефализации, отражая экспансию ноотехносферы, непременно включает в себя мысль о бессмертии. Отрицание жизни маскируется заботой об ее спасении, более того, «совершенствовании». Как правило, это не лицемерие, а выражение объективного коварства, заложенного в диалектике реальности. Непосредственно к злу никто стремиться не хочет. Все делается во имя лучшего, во имя блага. Но зло так или иначе будет, поскольку оно является оборотной стороной развития. Субъективно оно обычно осу-

²⁴ Об этом, например, см.: «Формы представления знаний и творческое мышление». Новосибирск, 1989; Кудряшов А. Ф. «Онтология» Методология. Негеоцентризм, Санкт-Петербург, 1993

ществляется в форме положительных намерений. В самом деле. Не умирать жить вечно, разве не высшая мечта человечества и человека? Это не просто мечта, утопия, это «королева утопий».

Между тем смерть вплетена в саму суть жизни, в ее природу. Все рожденное должно умереть, чтобы родилось новое. Небытия нет. Все – бытие, а смерть – переход в другое, в иное бытие. Акт рождения и смерти – самый глубокий, самый фундаментальный и драматический фазис обновления, связанный с превращением живого в неживое, и наоборот. Исключить этап смерти, значит лишить бытие основательности, полюсов пульсирования, создающих необходимое напряжение для его развития. Забота о бессмертии, начиная с древних религий, в той или иной форме всегда была выражением ухода от жизни. Касаясь в основном поведения личности, она была способом смягчения присущего ее самосознанию трагизма. В условиях становления искусственной реальности, желание бессмертия приобретает принципиально иной смысл. Оно подрывает жизнь как целое.

Известные представления наиболее яркого апологета бессмертия Н. Федорова, доводившего его до воскресения из мертвых, были пронизаны откровенным отвращением к живой природе. Это сублимированная месть «совершающего подвиг» аскета, враждебному ему плотскому миру. Чувственная любовь к жизни заменяется умозрительной любовью к бессмертию. В отличие от других предшественников на стезе аскетизма, он гениально предугадал технические возможности преодоления природы, преобразовав мечты о рае и бессмертии на небе в полуинженерные по своей форме проекты их реализации в космосе. Не зря Лев Толстой счел его «слишком материалистом». Во взглядах Н. Федорова удивительно сочетались мистические и прагматические компоненты. Его можно назвать автором одной из первых грандиозных концепций, характерных для современного научно-религиозного сознания, в котором в качестве «сверхъестественной силы» выступает некая высшая цивилизация, а всемогущим богом является компьютер максимальной мощности.

Вообразить бессмертие можно по-разному. Подразумевая под ним несколько большую продолжительность жизни, но тогда незачем бы использовать несоответствующий термин, или радикально: конечное существо должно стать бесконечным. Что прежде всего для этого нужно? Избавиться от брэнного тела, прервать цикл смертей и рождений. Необходимо «посадить» сознание, понимая как информацию, на бессмертный неорганический субстрат, чем, в сущности и являются системы искусственного интеллекта. Их отличие от человека – отсутствие души, духовных чувств, возникающих во взаимодействии мысли с природой: при встрече с внешней природой возникает техника, при встрече с природой внутренней возникает душа. Разум – это кинжал, воткнутый в тело человека. Образуется рана – его душа. Тогда внешняя природа тоже одухотворяется. Отнимите у человека сознание смертности, влечение и страдание, чувство любви красоты – и заветная мечта сциентистов осуществится. Она уже осуществляется: 1) непосредственно, через создание роботов с искусственным интеллектом, как мы говорили выше; 2) в самом человеке, в результате угнетения его природного начала и кризиса эмоциональности, превращения ее в «нервы», что в совокупности выражается в утрате чувства, а потом и смысла жизни. В превращение в зомби. Автотрофная ориентации доводит эти процессы до логического конца, а идеология бессмертия человека выступает как апология его смерти. Смерти через бессмертие.

Допустим, однако, возможность существования некоего бестелесного сознания. Это не человек, да и вопреки традиционным религиозным представлениям, не душа, ибо для души нужно тело. «За душой» научных сторонников бессмертия стоит бессмертная информация. Она, разумеется, не простая, а осознавшая самое себя. Каков характер ее бессмертия? Может ли она быть «личной», индивидуальной? Нам кажется, что индивидуальное бессмертие невозможно не только из-за брэнности природного субстрата, но «по определению». Его запрещает сама логика. Бессмертие – бесконечность во времени, а понятие индивидуальности предпо-

лагают единичное, то есть конечное. Индивидуальное, единичное потому и единичное, что выделено, от-граничено, о-конечено: а) в пространстве; б) во времени. Пространство и время (хронотоп), как известно, неразрывны, будучи разными параметрами мирового континуума. О бессмертии, следовательно, можно говорить лишь применительно к бытию в целом. Отдельное, индивидуальное не бессмертно, будь то тело, душа или конкретный информационный комплекс. Умирает даже информация, ибо при изменении общих условий она превращается в дезинформацию и должна обновляться.

У сциентистов, техницистов нет ясности в отношении личного бессмертия. В свое время академик В. Глушков предлагал людям вместо смерти «уйти в машину», что в принципиальном плане уже осуществляется. Наряду с тем, что идеи, мысли большинства умерших остаются в памяти родственников или в книгах, они теперь кодируются, вводятся в компьютеры, циркулируют в единой системе информации. Образы умерших маячат на телеэкранах, они говорят, поют и пляшут. Но мы почему-то не считаем их живыми. Впрочем, не все. Современные последователи Н. Федорова твердо уверены «во всеилии знания, побеждающего смерть и могущего на базе информационных программ биополевых систем возратить к жизни всех ушедших в небытие».²⁵ Мы таким образом встретимся со своими воскресшими отцами, которые, правда, в отличие от «отцов» Н. Федорова будут на «небелковой основе» (узнаем ли мы тогда их?), и предстанут улучшенными, «более совершенными» (а мы, увы, рождались от несовершенных). Весь этот идеологический вздор нужен для самообмана и отождествления небелковых автотрофных систем с людьми, в то время как на самом деле так называемые воскресшие отцы, – а вернее «большие братья» – это новые мощные и в целом действительно бессмертные носители информации, возникшие в ходе становления искусственной реальности.

Как ни странно, в период зарождения идей о возможности технического обеспечения бессмертия человека, когда все было довольно туманно при господствовавшей тогда почти всеобщей религиозности, отношение к ним было более здравым. Не только со стороны «позитивистов» или атеистов, что тогда само собой разумелось. Н. Бердяев, например, тоже считал, что обещаемое бессмертие является безличным, а в таком случае оно бессмысленно. Человек как бы растворяется во вселенной, сама же идея бессмертия есть его своеобразное «прельщение».²⁶ Мы думаем, что подобная оценка сохраняет свое значение, более того, на фоне сциентистского перерождения сознания людей она актуализируется. Идеиная «работа на бессмертие», поставленная на научную почву, грозит ускорить наш конец. Ей надо противостоять: «Пусть жизнь и умирает, но смерть не должна жить».²⁷

В бессмертие, как и в бога, можно только верить. Это область, как показал еще Кант, практического разума. Объекты веры, поклонения историчны, они меняются: священные камни, деревья, тотемные животные, богочеловек (Будда, Христос, Мухаммед) и вот: бессмертная техника, искусственный интеллект, роботы, «Большой Компьютер Всего». Б-К вместо Б-Г, только и всего. Ряд бесконечен, а мы – конечны. Стоит задуматься: если уж потребность сознания в постулировании некоего абсолюта неистребима, то не лучше ли продолжать культивировать веру в Бога в образах человека? А в области предметной деятельности вместо упования на ноосферу, которая будет управлять всем и вся, попытаться управлять самой ноосферой. Центр тяжести наших забот о выживании надо переносить на регулирование искусственной среды и ее приведение к человеку, к его мере, соотнося с возможностями коэволюции и взаимной адаптации. Если, разумеется, верить, что от человека что-то зависит или, другими словами, он способен к творчеству.

²⁵ Подробное обоснование гипотезы «биополевой формации как субъекта жизни и психики» предлагает, например, А. К. Манеев в книге: *Человек: философские аспекты сознания и деятельности*. Минск, 1989.

²⁶ См.: *Бердяев Н.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж. 1949.

²⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. С. 64.

Осторожно, творчество!²⁸

1. Творчество как парадигма

Даже если не уходить вглубь веков, судьба понятия «творчество» драматична. Его траектория то напоминает броуновское движение, то пропадает совсем. В советской марксистской философии, кто ее еще помнит, о творчестве почти не говорили (отчасти может потому, что была стеснена сама творческая активность). Господствовало «отражение». В основе официального мировоззрения лежал тезис: сознание – высшая форма отражения материи. Превращенный в «ленинскую теорию отражения», он был парадигмой тогдашней гносеологии, фундаментом гуманитарного образования, представлений о бытии вообще. В сущности говоря, это была парадигма натуралистической науки XIX века. Советский марксизм оставался в русле модернизма, классики, защищал ее, сопротивляясь начинающемуся постмодернизму.

В конце 60-х – 70-х годах XX века она стала интенсивно размываться. Правда, не без борьбы, в которой полезно, ради извлечения опыта, проследить несколько этапов.

Опираясь на работы физиологов, прежде всего П. К. Анохина, отражение начали трактовать как опережающее. Понятие «опережающее отражение» похоже на «жареный снег», но оно пробило первую брешь в созерцательном характере гносеологии. Следующий этап перемен ознаменовался усиленным цитированием, с далеко идущими выводами, положения В. И. Ленина, что «сознание не только отражает мир, но и творит его». Было признано, что «элемент творчества» входит в само отражение. В монографиях по теории познания появились разделы «отражение как творчество». Завершилось это, сопровождавшееся довольно резкой полемикой перетягивание каната между сторонниками отражения и творчества, достижением некоего паритета: сознание есть отражение *и* творчество. Однако уже в 80-е годы об отражении если и вспоминали, то лишь как о «моменте творчества» – пластинка перевернулась. В настоящее время сознание рассматривается как творческое по самой своей сути. Книг по отражению больше не издают, конференций не созывают. Они посвящаются творчеству. Творчество вбирает в себя все, ибо любое сущее когда-то возникло, любая традиция была новацией.

Смена классической отражательной парадигмы произошла, разумеется, не по одним имманентным причинам. К ней причастны политические, и социальные процессы, а главное, под влиянием научно-технической революции радикально трансформировалось практическое отношение к миру. Значение творчества возрастает по мере превращения среды обитания людей из естественной, преобразуемой, в создаваемую, техногенную. Все искусственное в конечном счете задумано, сконструировано и спроектировано, а потом произведено. Ноотехносфера – опредмеченный результат творчества.

Концепция универсального эволюционизма, к которой стала склоняться мировоззренческое сознания в конце XX века, предполагает, что возникает, самоорганизуется все мыслимое бытие. Но что значит «возникновение», если помимо него нет процессов функционирования, равновесия, кругооборота, флуктуации или регресса (они мыслятся как его моменты)? Это акт творчества, только как бы распределенный, «размазанный» в пространстве – времени. Атрибутом материи, а точнее, реальности, следует в таком случае считать не просто «движение» как любое изменение, а творчество. Универсальный эволюционизм – это креативизм. Учитывая дух универсального эволюционизма и направленность последних работ по синерге-

²⁸ Вопросы философии. 1994. № 7–8. См. также кластер из трех близких по этой теме статей: Познать нельзя помиловать // Человек. 1993. № 1. Понимаю, следовательно, существую // Общественные науки и современность. 1995 № 1; Вечное возвращение (записки консерватора) // журнал Москва. 2000. № 3.

тике, особенно И. Р. Пригожина, его книгу «От бытия к становлению», можно было бы назвать и «От бытия к творчеству». Креативизм пронизывает почти все отрасли современного естествознания, фактически подрывая их существование в качестве естество-знания и преобразуя в технологию, сопровождаемую, по принципу дополнительности, экологией.

В социальной философии размывание созерцательной натурфилософской парадигмы происходило в связи с победой деятельностного подхода к развитию, когда предметной деятельностью стали объяснять все: общество, личность, сознание. Опираясь на нее, выстраивали аппарат философствования, изучали функции общественных групп, ролевое поведение индивидов. Потом появилась «усталость» предметно-деятельностного подхода. Его стали критиковать экологи, гуманисты – за сциентизм, за обоснование технологической агрессивности. Ему противопоставляется так называемая понимающая социология и экзистенциальная, гуманистическая философия. Однако сциентистская компонента не ослабевает. Предметно-деятельностный подход превратился в «просто деятельностный», для которого материальные объекты не обязательны, достаточно оперировать возможными. Это уже «мыследеятельность», новая организационно-деятельностная активность, развертывающаяся как система мысли или, если угодно, мыслительная машина, составленная из отдельных процедур, связок и актов как своих частей. Выдающийся теоретик, разработчик и пропагандист организационно-деятельностной методологии (организационно-деятельностных игр – ОДИ) Г. Решающий вклад и вытеснение предметной деятельности из методологии внес П. Г. Щедровицкий, создавший разветвленную школу своих последователей – «деятельностное движение». Было объявлено, что они вообще «покончили с наукой», заменив ее технологией мышления, преимущество которой в полной логической прозрачности, структурированности, а значит и формализуемости. Тем самым было признано, что субстанцией деятельности является мысль, «идеальное» (и, хотя в системе ОДИ это не акцентируется – информация, что важно подчеркнуть, так как замещение предметов информацией, знаками есть главное условие компьютерного творчества, которое начинает вытеснять человеческое).

Параллельно, методология предметной деятельности вытесняется методологией проектирования и конструирования – «проектировочной деятельностью». Передовые отряды теоретиков устремляют свои интересы в направлении слияния с инженерной сферой. Здесь мы имеем дело со вторым, наряду с мыследеятельностью, потоком переориентации человеческого отношения к миру с открытия на изобретение, с приспособления и преобразования наличного на реализацию возможного. «Изобрести что-то, – писал И. Кант – это совсем не то, что *открыть*; ведь то, что *открывают*, предполагается уже существующим до этого открытия, только оно еще не было известным, например, Америка до Колумба; но то, что *изобретают*, например, порох, не было *никому* не известно до мастера, который его сделал».²⁹ Изобретение, проектирование, организация, конструирование и некоторые другие аналогичные формы активности мышления – это деятельность по созданию нового, то есть особый вид деятельности, который правомерно определять как творчество. По своему результату – получение нового, организационно-конструкторская деятельность совпадает с существеннейшей чертой всякого творчества, а с научно-техническим творчеством совпадает и по способу достижения этого результата. Движение от открытия мира к изобретению, от предметной деятельности к проектированию и программированию (мыследеятельности) означает замену естественно-натуралистического взгляда на мир культурно-техническим, парадигмы отражения пред-данной реальности парадигмой со-здания чего-то иного, небывалого.

Конкретизируя современное содержание творчества, надо иметь в виду, что из 3-х основных его форм (художественное, научное, техническое) на первый план уверенно выдвигается техническая форма. Она втягивает в себя научно-познавательное творчество и радикально

²⁹ Кант И. Соч. Т. 6. С. 466.

меняет содержание художественного. Притом, если научное отношение к миру перерастает в техническое и технологическое довольно плавно (от отражения к творчеству, от познания к проектированию), то художественное оказывает сопротивление. Это не удивительно, ибо за ним стоит совершенно другой тип духовности. На протяжении веков творчество отождествлялось с искусством, поэзией, вдохновением, тайной. Древние греки отказывались признавать поэтический дар подлинным, если его носитель не прослыл во мнении сограждан «безумцем». Художественное, дионисийское, интуитивное, чувственное, иначе говоря, творческое – или абстрактный разум, ремесленничество, алгебра и вычисление, иначе говоря, техника – вот фундаментальные исторические оппозиции человеческого духа. Моцарт и Сальери их знаменитое олицетворение. Специфическая «философия творчества», виднейшими представителями которой считают Ницше и Кьеркегора, прямо противостояла научной рациональности. Или творчество или расчет, алгоритмы; разум же, если в акте творчества и присутствует, то только как «забывший себя». Или тайна, спонтанность, самость бытия, или прозрачность, техника, его «по-став».

Поворот, принципиально изменяющий содержание творчества в направлении «алгебраизации», произошел в контексте научно-технической революции XX века. Тогда же возникло авангардное искусство, которое не только не противостоит технике, но является ее порождением и приложением. Оно враждебно всему образному, чувственному и непосредственному в человеке, и дальше от прежних классических форм искусства, нежели от науки и техники. А в постмодернизме дело дошло до инсталляций, акционизма, конструкций и прочей игры ума. Сохраняющиеся «дионисийские», даже просто реалистические способы художественной активности не делают погоды. Что касается машинного творчества, компьютерной графики, музыкального программирования и т. п., то приоритет технического начала в нем не требует обоснования. Сальери переиграл Моцарта. А постепенно становится ненужным и он.

Обобщая эти тенденции, можно утверждать, что сейчас, когда творчество как будто вышло на авансцену истории и всячески воспевается, когда убеждают себя и других, что «не красота, а творчество спасет мир», в глубине сцены и за кулисами располагается информационно-материальная техника. Она эволюционирует, саморазвивается, стремительно наращивая сферу искусственного. Не искусство, а искусственное – продукт современного творчества. Творчество как парадигма, креативизм – это научно-техническая новационная деятельность. Остальные формы творчества еще существуют, но на периферии цивилизационного процесса, между тем как благо и опасность таятся в его ядре.

2. Творчество дьявола

По мере того как выясняется, что все дороги ведут в Рим – к творчеству, и оно провозглашается способом бытия человека в мире, возникает вопрос: может ли это бытие быть непротиворечивым? Очевидно, нет, но где анализ противоречий, плюсов и минусов творческой активности людей, данного типа развития вообще? Слабые сомнения, отдельные критические оценки феномена творчества тонут в потоке информации о новых бесчисленных проектах, изобретениях, операциях, новациях, внедрениях и т. д. Новое – значит обязательно полезное, хорошее, значит, его надо скорее воплощать в жизнь. Настроение похожее на то, которое еще недавно царило в отношении роли науки и техники в целом. Но если во втором случае произошло некоторое отрезвление, мы видим амбивалентность, пытаемся как-то в ней разобраться, толкуем о сциентизме и технократизме, то в отношении творчества эйфория продолжается. Ее пора развеять. Оно не должно быть вне критики, некой священной коровой. Потому что это единый процесс и последствия творческой деятельности могут быть столь же угрожающими, как и от безграничного господства техники.

Священная корова то и дело дает бешеное молоко. Чего только сейчас не придумывается, не творится? Очки по разрезанию торта с рисками для наведения ножа; тарелки с пружинами, чтобы при съедании супа они наклонялись; машинка для подсчета волос на голове с дисплеем; унитазы с дистанционным управлением и подсветкой при посадке; аппарат для надевания презерватива и т. д. Но это все мелкое творческое хулиганство. Другие, более опасные достижения связаны с вмешательством в глобальные ритмы природы и наследственность живого, манипуляциями с психикой, о размахе которых широкая публика не подозревает. Их творцы интуитивно чувствуют преступный характер своей деятельности и не хотят ее афишировать, хотя постепенно приучают к тому, что человек будет превзойден и останется на уровне мышления животного. А милитаристское творчество в различных креатологических центрах, сотрудники которых готовы пойти на что угодно, лишь бы была «хорошая физика»! Ради этого многие фанатики способны принести в жертву не только свои, но и чужие жизни. Программа войн в космосе в немалой мере стимулируется исследовательской страстью ученых. Часть специалистов согласна отказаться от нее, но при условии замены сходной по трудности и дороговизне, например, подготовкой полета на Марс. Или созданием щита от возможного падения на Землю какого-нибудь крупного небесного тела. Или от столкновения с кометой. Или вообще от следующего «Большого взрыва» Вселенной. Впрочем, что тут выбирать – не существенно. Главное – обеспечить продолжение работ в космосе. «Желание – отец мысли» и цель вслед за средствами всегда можно изобрести.

Удручаясь экологической трагедией человечества, ища выход из нее, усматривая ее причину в безудержной экспансии искусственного, не надо забывать, что в истоках трагедии лежит творчество. Дьявол тоже творит! *За сциентизмом, технократизмом и трансгуманизмом стоит креативизм!* Значит надо преодолевать вседозволенность творчества. Соотносить его с мерой человека, оценивать, квалифицировать, включать в систему нравственного регулирования. Если в начале человеческой истории социальные запреты в основном обуздывали чувственные страсти людей, беспорядочную похоть и зоологический индивидуализм, то теперь, когда возник техноэрос и у многих, особенно интеллектуалов, страсть к творчеству подавляет способность к любви и все другие жизненные проявления, перед обществом встает задача регулирования такого рода деятельности своих членов. *От творчества надо уметь защищаться.*

Трудно вообразить, какой крик обязан поднять по поводу этих предложений всякий уважающий себя интеллектуал. Ведь я посягаю на вторую «священную корову» эпохи Просвещения и либерализма: свободу мысли. Но как посягаю, насколько и посягаю ли вообще – здесь надо объяснить подробнее.

Положительное отношение к свободе человека продукт длительного исторического развития. Свободу чувствования, открытого проявления переживаний общество не признает до сих пор. Она имеет довольно низкую моральную ценность, не всегда одобряется и эстетически. К свободе же мысли отрицательное отношение сохраняет в основном церковь. Все великие религиозные конфессии – христианство, ислам, буддизм, наряду с требованием праведной жизни призывают своих членов к чистоте помыслов. Грех в душе человека, поэтому смирять и обуздывать следует, прежде всего намерения, мысли и воображение. Вера – антипод творчества, она ориентирует на традицию, а не новации, на послушание, а не свободу. Первый познавательно-творческий поступок Адама и Евы привел их к изгнанию из Рая. Творчество началось с греха, дьявол искусил человека творчеством и потому суть творчества – дьявольская. Творец токмо бог, а мы – твари. Занимающийся новациями неминуемо совершает мыслепреступление, впадает в грех, ибо всякая свобода, всякая социально значимая самостоятельность есть нарушение какого-нибудь завета. В самом деле. Творческий человек редко является примером соблюдения христианских добродетелей. Гений вполне сочетается, если не со злодейством, то с грехом почти обязательно. В мыслях – совершенно обязательно. Об этом свидетельствует как опыт жизни, так и многочисленные признания великих творцов из Пантеона

человечества. Импульс к творчеству идет от недовольства реальностью, от несмирения с ней, что никак нельзя считать свойством настоящего христианина. Или мусульманина. Импульс к творчеству идет от потребностей и привязанности к миру, что принципиально противоречит также и восточной религиозной традиции, особенно буддизму с его идеалом нирваны и «недеяния». Дух творчества и Дух религии – враги, хотя на практике это может сглаживаться неполнотой и непоследовательностью того и другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.